В. Шулятиковъ.

ИЗЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.

Происхожденіе командующихъ классовъ.

Основы ихъ идеологіи.

Вопросъ объ интеллигенціи.

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
1907.

Изданія С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Р. Авенаріусъ. Критика чистаго опыта въ популяри. изложеніи А Луначарскаго. Новая теорія позитивн. идеализма. (Holzapfel Panideal). Критическое изложеніе А. Луначарскаго. Ц. 80 к.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Ц. 40 коп.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложеніе: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчасти. женщинъ). Ц. 40 к.

Т. Барвенкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (Разсказы). Ц. 80 к.

Н. Блиновъ. Жизнь Робинзона. (Въ чемъ счастье?) Изд. 3-е. Съ 102 рис. Ц. 70 к., въ коленкор. папкѣ 1 р.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономич. науки. Изданіе 9-е вновь исправленное . Москва, 1906 г. Ц. 60 к.

А. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ Статьи по философіи. Кн. I. изд. 2-е Ц. 80 к.

Его же. Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. Кн. II. изд. 2-е. Ц. 70 к.

Его же. Эмпиріомонизмъ. Книга III. Ц. 75 к.

Его же. Новый міръ. Статьи 1904-1905 г. Цѣна 40 к.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника (съ 23 рис.). Цѣна 50 к.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи съ XII вѣка до нашихъ дней. (Портреты: Парнелля и О'Коннеля). Ц. 80 к.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII—XVIII в. (Эпоха Бурбоновъ). Ц 1 р.

Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой). Ц. 80 к.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Очерки. (съ 12 рис.). Ц. 25 к.

Его же. Божьи дѣти. (Сборникъ). Ц. 7 к.

Викторъ Гюго. Маленькій Наполеонъ. Перев. съ французскаго. Ц. 50 к.

Е. Джуновская. Средняя школа новаго типа въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис. ц. 75 к.

Н. Дьяконовъ. Возникновеніе партійной организаціи Германской соціалдемократіи. Ц. 25 к.

Л. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Цѣна 75 к. Моск. 1903 г. Стр. 176.

Г. Жеффруа. А. Бланки. Его жизнь и революціон. дѣятельность. Съ портретами и рисунками. ц. 1 р.

Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. Цѣна 25 к.

Его же. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Ц. 80 к.

А. А. Кирпищикова. Повѣсти и разсказы. (Изъ жизни въ пріуральскихъ заводахъ). Ц. 70 к.

С. Н. Кривенко. На распутьи (культур. скиты и культ. одиночки). Ц. 80 к.

А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго (по приволжскимъ степямъ). Ц. 80 к.

Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи Великой Французской Революціи (г-жа Роланъ). Съ 2 портр. Ц. 1 р.

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV. Ц. по 1 руб.

Его же. Святочные разсказы. Ц. 60 к.

И. Озеровъ. Общество потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика П. П. Янжула. 2-е Изданіе, значительно дополненное и [illegible]. Ц. 2 р.

В. Шулятиковъ.

ИЗЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.

Происхожденіе командующихъ классовъ.

Основы ихъ идеологіи.

Вопросъ объ интеллигенціи.

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.
1907.

215888

МОСКВА.
Типографія Ф. Я. БУРЧЕ, Тверской бул., д. Яголковскаго.
1906

Явные и тайные, сознательные и безсознательные сторонники буржуазнаго строя повторяютъ на всѣ лады давно сложенный ими миѳъ о великомъ *уравнителѣ* всего человѣчества, дателѣ *всѣхъ* благъ, *самодовлѣющемъ* трудѣ.—Весь смыслъ человѣческой жизни, согласно ихъ заявленіямъ, въ трудѣ. Передъ трудомъ всѣ одинаковы: нѣтъ передъ нимъ „варвара и скиѳа, раба и свободнаго", имущаго и неимущаго, нѣтъ сословій и классовъ. Передъ трудящимся открыты всѣ пути: „Трудись... хочешь быть морякомъ—море пространно, хочешь быть земледѣльцемъ—поля широки".

Интересы, вдохновляющіе создателей и распространителей этого миѳа о „пространныхъ моряхъ и широкихъ поляхъ", слишкомъ прозрачны: слишкомъ наивнымъ софизмомъ думаютъ представители командующихъ классовъ затемнить классовое сознаніе той общественной группы, которая является предметомъ ихъ эксплуататорскихъ подвиговъ. Тѣмъ не менѣе, миѳъ отличается необыкновенной живучестью. Онъ пользуется большимъ кредитомъ даже среди пасынковъ буржуазіи, среди тѣхъ, кто стоитъ на рубежѣ полупролетарскаго существованія. Одинаковымъ удѣльнымъ вѣсомъ обладаютъ—гласитъ новѣйшая мелкобуржуазная редакція этого миѳа—„трудовое" крестьянство, „трудовая" интеллигенція, пролетаріатъ: названныя общественныя единицы совершенно въ одинаковой мѣрѣ являются строителями „новой жизни", передъ ними лежитъ одна общая дорога...

Буржуазная идеологія всѣхъ оттѣнковъ старается исказить истинный смыслъ общественныхъ отношеній, старается отвлечь вниманіе отъ главнаго рычага исторіи—отъ борьбы за *орудія, за средства производства*.

На самомъ дѣлѣ, что такое трудъ? трата мускульной или умственной рабочей энергіи? *и только*? Нѣтъ, въ томъ то и

дѣло, что *не* только. Трудиться значитъ расходовать свою рабочую энергію, употребляя извѣстныя орудія производства. Внѣ примѣненія послѣднихъ *нѣтъ* для человѣка труда. Короче, трудиться значитъ пользоваться этими орудіями. А разъ такъ, разъ въ понятіе трудоваго процесса неотъемлемымъ составнымъ элементомъ входитъ понятіе пользованія орудіями производства, то „самодовлѣющій трудъ"—чудовищная нелѣпость.

Человѣкъ, лишенный орудій, средствъ производства, *самостоятельно* работать не можетъ. На „пространныхъ моряхъ, на широкихъ поляхъ" „самодовлѣющій" рабочій—трупъ.

И этому-то трупу буржуазія, отъ ея высшихъ слоевъ до низшихъ, приписываетъ жизнь! Собственники какъ грандіозныхъ, такъ и самыхъ миніатюрныхъ, какъ самыхъ сложныхъ, такъ и самыхъ простыхъ средствъ производства ревниво оберегаютъ отъ постороннихъ взоровъ тайну своего существованія, тщательно стараются замаскировать ключъ своей позиціи... Напрасныя старанія! Тайна буржуазнаго существованія давно раскрыта. Выступившій противъ буржуазныхъ твердынь непріятель начерталъ на своемъ знамени „борьба за средства производства".

Путеводная нить пролетарской критики дана. Требуется раскрытіе различныхъ деталей буржуазной позиціи. Требуется освѣтить, строго руководствуясь указанною нитью, многіе моменты исторіи господствующихъ классовъ, еще не достаточно освѣщенные.

Однимъ изъ такихъ моментовъ является моментъ ихъ образованія и выступленія на исторической сценѣ. Цѣль настоящей статьи внести посильную лепту въ разработку даннаго вопроса... Должны оговориться, что мы намѣрены дать лишь самую общую схему, намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ этапы того процесса, который подарилъ человѣческому обществу „племя избранныхъ"—носителей власти и могущества.

Итакъ, обратимся къ первымъ главамъ исторіи культуры.

I

Чѣмъ опредѣляется характеръ соціально-экономическаго строя первобытныхъ обществъ, гдѣ необходимо искать корней первобытнаго коммунизма?

Зависимость между формами первобытнаго общества и первобытными орудіями производства давно обратили на себя вниманіе изслѣдователей культуры. Но въ большинствѣ случаевъ, эта зависимость подчеркивалась не съ надлежащей ясностью. Орудіямъ производства придавали, въ большинствѣ случаевъ, правда, громадное, но не *рѣшающее* значеніе: ихъ не выдѣляли изъ ряда другихъ экономическихъ факторовъ.

На самомъ дѣлѣ, все зданіе первобытнаго общества покоится на фундаментѣ примитивной техники—примитивныхъ, малосовершенныхъ орудій, средствъ производства.

Возьмемъ общину низшихъ охотничьихъ племенъ. „Такъ какъ ихъ страна бѣдна *и ихъ орудія грубы*, то ихъ способы существованія не позволяютъ имъ вести осѣдлой жизни“—(читаемъ мы, напр., у Эр. Гроссе.*) Даже небольшая орда, которая захотѣла-бы утвердиться гдѣ-нибудь, скоро истощила-бы окрестную мѣстность и подверглась бы голодной смерти... Слабость и непостоянство первобытныхъ группъ, являющіяся непосредственнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ ихъ способа существованія, препятствуетъ всякому дальнѣйшему развитію ихъ промышленной дѣятельности... Каждый мужчина и каждая женщина должны исполнять всѣ тѣ разнообразныя работы, которыя относятся къ ихъ полу. Здѣсь нѣтъ ни особыхъ ремесленныхъ классовъ, ни охотничьяго, ни военнаго сословія... Люди не дѣлаютъ и не владѣютъ ничѣмъ, кромѣ необходимаго... Индивидуальная собственность здѣсь весьма ничтожна. Такъ какъ не существуетъ никакихъ коренныхъ различій въ имущественномъ положеніи, то отсутствуетъ и главный источникъ происхожденія сословныхъ различій. Въ

---

[1]) ст. 48 (курсивъ нашъ) 52, 53.

общемъ всѣ взрослые мужчины въ племени равноправны между собою".

Или общество низшихъ земледѣльческихъ племенъ: тотъ же Гроссе связываетъ ихъ коллективное хозяйство съ ихъ „грубыми" орудіями. „Одинъ человѣкъ со своими *грубыми инструментами*, въ крайнемъ случаѣ, могъ бы добыть изъ дѣвственной почвы только самое необходимое, группа же имѣетъ возможность легко расчистить подъ пашню, воздѣлать и убрать такой участокъ земли, который доставитъ всѣмъ ея членамъ обильныя средства существованія."

Гроссе до конца не договариваетъ. Бѣдной природѣ онъ склоненъ приписывать не менѣе важную роль, чѣмъ орудіямъ производства,—роль могущественнаго фактора, направляющаго теченіе исторіи человѣческихъ обществъ: природа и орудія поставлены у него въ одной плоскости. Далѣе, изъ его книги отнюдь не видно, чтобы онъ былъ глубоко убѣжденъ въ доминирующемъ значеніи орудій: иначе, на протяженіи всей своей книги, онъ старался бы съ прямолинейной послѣдовательностью выводить эволюцію формъ семьи изъ самыхъ различныхъ средствъ производства: этого онъ не дѣлаетъ. Но приведенныя цитаты весьма цѣнны для насъ: во всякомъ случаѣ, въ нихъ Гроссе очень близко подходитъ къ истинѣ, даетъ вѣрное указаніе на первооснову хозяйственнаго строя первобытныхъ обществъ.

Примитивныя, грубыя орудія сплачиваютъ первобытный родъ и общину, не позволяютъ послѣднимъ дробиться и дифференцироваться. Примитивностью орудій объясняется отсутствіе у первобытныхъ народовъ института частной собственности.

Каждый членъ общины умѣетъ приготовить незатѣйливыя орудія и пользуется ими. Но подобное пользованіе вовсе не означаетъ собственности въ нашемъ смыслѣ этого термина. Если, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ одинъ членъ общины обратится къ другому съ просьбой ссудить его какимъ-либо орудіемъ, и если сломаетъ или потеряетъ ссуженное орудіе, онъ не обязанъ вознаградить „потерпѣвшаго".

„Потерпѣвшій“, согласно представленіямъ первобытныхъ дикарей, въ сущности не является потерпѣвшимъ, не несетъ никакого матеріальнаго убытка: орудіе не принадлежитъ ему по праву неотъемлемой собственности. Или кто-нибудь находитъ потерянныя другимъ членомъ общины вещи и орудія: онъ спокойно можетъ пользоваться ими. Ихъ первоначальный обладатель рѣшительно никакихъ претензій заявить не можетъ.

Равнымъ образомъ, не существуетъ, въ началѣ, права собственности на продукты производства. Добыча, въ большинствѣ случаевъ являющаяся плодомъ совмѣстной работы, совмѣстной охоты или рыбной ловли, потребляется сообща, на общихъ пирушкахъ или же дѣлится на равныя части. Но когда орудія производства могутъ обезпечить отдѣльнымъ лицамъ, при отдѣльныхъ выступленіяхъ, достаточную добычу, наблюдается новаторская тенденція: отдѣльныя лица пріобрѣтаютъ право по своему усмотрѣнію распоряжаться добытыми средствами потребленія или частью ихъ. Чья стрѣла, чей ножъ, чей дротикъ нанесетъ животному смертельную рану, тому принадлежитъ добыча: такова формула первобытнаго права. „Если охотникъ гренландецъ убьетъ тюленя стрѣлой, но послѣдній ускользнетъ отъ него и будетъ позже добитъ другимъ, то звѣрь все же принадлежитъ первому, если его стрѣла находится въ тѣлѣ животнаго“.[1] „Поднятіе и преслѣдованіе оленя не даетъ никакого права на это животное (у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ), если другой индѣецъ убьетъ его“.[2]

При этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Quasi-собственникомъ орудія производства считается тотъ, кто въ *данный моментъ фактически имъ пользуется.* Если гренландецъ удитъ рыбу, а въ это время къ нему подойдетъ другой гренландецъ, подержитъ въ своихъ рукахъ удочку и поймаетъ рыбу,—добыча будетъ принадлежать второму гренланд-

[1] Н. И. Зиберъ. „Очерки первобытной экономической культуры“ стр. 176.

[2] Ibidem стр. 174.

цу. [1]) Точно также обладатель орудія не можетъ претендовать на добычу, если потеряетъ ее, вмѣстѣ съ своимъ орудіемъ производства. [2])

Но пользованіе орудіемъ производства смѣняется частной собственностью: вышеуказанная новаторская тенденція находитъ себѣ законченное выраженіе. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, напр., слѣдующій случай, разсказанный путешественникомъ Бакомъ [3]) . Одинъ чиппевей (племя сѣверо-американскихъ индѣйцевъ) цѣлый день голодалъ, не имѣя добычи. Наконецъ ему посчастливилось убить звѣря музу... изъ *чужаго ружья*. И что-же? несмотря на свой голодъ, онъ отдалъ добычу, „согласно охотничьему праву", безъ всякихъ разсужденій владѣльцу ружья.

Гренландская удочка и огнестрѣльное ружье, примитивно грубое орудіе производства и усовершенствованное орудіе производства: разница между ними—это разница двухъ эпохъ гражданскаго права, двухъ эпохъ имущественныхъ отношеній. Примитивныя орудія, какъ выше было отмѣчено, обусловливаютъ отрицаніе института частной собственности. Усовершенствованныя орудія ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ названнымъ институтомъ. Это они создали его.

Пока каждый членъ общины умѣлъ изготовлять и изготовлялъ орудія и средства производства, пока послѣднія отличались большою непрочностью, они не порождали борьбы изъ-за нихъ, стремленія владѣть ими на правахъ неотъемлемаго частнаго имущества; община не знала наслѣдственнаго права. Но когда техника достигла большихъ успѣховъ, когда стали обрабатывать болѣе прочные матеріалы,—создались совершенно иныя отношенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швейцаріи сельскія общины держатся своеобразной регламентаціи строительнаго дѣла: запрещается ставить каменные дома [4]). Путемъ такой регла-

[1]) Зиберъ. „Очерки" стр. 176.
[2]) Ibid. стр. 176.
[3]) Ibid. стр. 175.
[4]) См. Деморъ, Массаръ и Фандерфельде—„Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи". Переводъ съ французскаго подъ ред. Д. Коропчевскаго и В. Фаусека.—Стр. 89.

ментаціи община борется противъ *частной собственности на землю*. Дѣло въ томъ, что въ данныхъ мѣстахъ частная собственность на извѣстный участокъ земли признается только до тѣхъ поръ, пока на участкѣ имѣется домъ. Дома нѣтъ—земля отходитъ въ распоряженіе общины. Поэтому поощряются менѣе долговѣчныя постройки—деревянныя. Камень оказывается противникомъ коммунизма. Онъ создаетъ наслѣдственное имущественное право. Именно аналогичное значеніе имѣютъ различныя орудія производства, сдѣланныя изъ „долговѣчнаго“ матеріала. Они, такъ сказать, раскалываютъ нѣкогда однородное первобытное общество на части, фиксируютъ вокругъ себя отдѣльныя небольшія группы лицъ. Старинныя сказанія разныхъ народовъ связываютъ первыя крупнѣйшія катастрофы и перевороты человѣческой исторіи съ возникновеніемъ обработки *металловъ*. Такова, напримѣръ, греко-римская легенда о бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ. Сказанія эти отнюдь не являются плодомъ чистаго поэтическаго измышленія. „Несокрушимая“ бронза и особенно „несокрушимое“ желѣзо, дѣйствительно, виновники коренной ломки первобытнаго общественнаго строя. Дѣйствительно „amor sceleratus habendi“ („преступное любостяжаніе“)—дѣтище желѣзнаго вѣка. Дѣйствительно, металлы создали частную собственность на средства производства.

А собственность эту реализовали представители „господствующихъ“ классовъ.

II.

Господства первобытная община не знала. Она знала лишь начальниковъ-*организаторовъ*. Организаторы-начальники въ свое время были выдвинуты на поверхность жизни первобытной общины потребностями производства. Они явились тогда, когда трудовые процессы, до извѣстной степени, дифференцировались, достигли извѣстной сложности, когда назрѣла потребность координаціи общаго хода работъ въ нѣдрахъ общины. Обязанность распредѣленія работъ и управленія ими были поручены спеціальнымъ людямъ. Въ началѣ эти организаторы, помимо порученныхъ имъ техническихъ функцій, ничѣмъ не выдѣлялись изъ общей массы членовъ общины, выбирались общиной на опредѣленный срокъ или для опредѣленныхъ предпріятій. Но по мѣрѣ усложненія техники, по мѣрѣ того, какъ организаторскія обязанности требовали все большихъ и большихъ профессіональныхъ знаній, ихъ профессія начинаетъ пріобрѣтать характеръ чего-то такого, что замѣтно обособляетъ ихъ отъ рядовой массы, ставитъ ихъ „выше“ послѣдней. Обособленіе совершается послѣдовательно. На первыхъ порахъ, оно проявляется въ томъ, что организатору достается лучшая доля при дѣлежѣ полученной добычи. Лучшій кусокъ мяса, лучшая пара дичи — таковы скромные призы дебютирующей власти. Лишь черезъ продолжительный промежутокъ времени организаторы-начальники перерождаются въ истинныхъ представителей командующихъ классовъ и отъ ихъ первоначальной неприхотливости не остается и слѣда.

Организаторскія функціи становятся наслѣдственными. Образуется замкнутая каста привиллегированныхъ, не помнящая о своемъ происхожденіи и заявляющая о своихъ исключительныхъ, абсолютныхъ правахъ на богатство и власть. Подобная метаморфоза, подобное перерожденіе организаторовъ объясняется отношеніемъ послѣднихъ къ орудіямъ и средствамъ производства. А отношеніе это сводилось къ слѣ-

дующему. Въ кругъ организаторскихъ полномочій входило не только распредѣленіе работъ между отдѣльными группами лицъ, не только командованіе во время общей охоты, общей рыбной ловли, общихъ строительныхъ работъ и распредѣленіе добываемыхъ продуктовъ, но и *надзоръ* за орудіями производства, контроль и даже регламентація ихъ техники. Съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ общинахъ накоплялся запасъ извѣстныхъ орудій, которыя предназначались для общаго пользованія (напр., большія рыболовныя сѣти, лодки, оружіе). Непосредственное распоряженіе этими орудіями принадлежало начальникамъ. И вообще, необходимо имѣть въ виду, что настоящей частной собственности на орудія производства (какъ мы отмѣчали выше) не существовало: скорѣе, согласно первобытнымъ воззрѣніямъ, община предоставляла отдѣльнымъ ея членамъ *пользоваться* тѣми или другими орудіями [1]).

Перечисленныя условія послужили, какъ оказалось впослѣдствіи, благодарной почвой для успѣшныхъ дѣйствій организаторовъ, поведшихъ кампанію противъ опекаемаго ими первобытнаго коммунизма. Отъ полномочій распоряжаться орудіями до захвата послѣднихъ переходъ оказался не слишкомъ труднымъ. Продолжительное исправленіе организаторами ихъ функцій шагъ за шагомъ внѣдряло мысль о неизмѣнности раздѣленія общества на двѣ части, стирало воспоминаніе о быломъ равенствѣ, шагъ за шагомъ слагалось представленіе о какихъ-то *особенныхъ* правахъ организаторовъ,—правахъ на то, чѣмъ они распоряжались. Съ другой стороны прочно держались традиціи коммунизма: рядовой членъ общины считалъ себя попрежнему атомомъ цѣлаго, работалъ согласно указаніямъ общины, при помощи тѣхъ средствъ техники, какія узаконяла община; общинѣ принадлежали про-

[1]) См. цит. работу Н. Зибера. Типичный образецъ коллективнаго владѣнія орудіями производства даетъ напр., родовая община африканцевъ кабиловъ: „Родовая община доставляетъ каждому изъ своихъ членовъ орудія для работы, оружіе и капиталъ для торговыхъ предпріятій или для занятія ремесломъ, если кто захочетъ ему посвятить себя“. (См. книгу Гроссе, стр. 219).

дукты его производства, отъ общины онъ получалъ средства потребленія. Но понятіе о верховной волѣ общины и понятіе о функціяхъ организаторовъ постепенно начинали сливаться. И въ тотъ моментъ, когда организаторы окончательно „переродились“, когда окончательно средства производства отошли къ нимъ, со стороны массы рядовыхъ общинниковъ не послѣдовало энергичнаго сопротивленія. Соціальный переворотъ совершился безъ соціальной бури. Геній стараго коммунизма помогъ вырыть самому себѣ могилу. Отдавая отнынѣ свой трудъ и плоды своего труда организаторамъ, члены общины продолжали вѣрить, что дѣлаютъ это во имя интересовъ общины.

Между тѣмъ, произведенная организаторами революція была произведена ими въ критическую для нихъ минуту.

Когда въ области техники имѣетъ мѣсто крупный прогрессъ, существующіе организаторы перестаютъ должнымъ образомъ отвѣчать потребностямъ производства. Организаторъ долженъ немедленно перестроить свою психику, обогатиться новыми познаніями, новыми привычками, новой сноровкой. Подобныя ломки психики [1]) вообще всегда затруднительны для организатора, а въ частности особенно затруднительны для организатора первобытныхъ временъ, когда медленно развивающійся техническій прогрессъ обусловливалъ собою медленную эволюцію организаторскихъ способностей, крайнюю косность организаторской психики. Появленіе орудій изъ прочнаго „долговѣчнаго“ матеріала (металла), орудій болѣе усовершенствованныхъ, болѣе сложныхъ было въ исторіи первобытнаго общества очень крупной технической революціей. И эта революція, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ громадное повышеніе производительности труда, дававшая въ распоряженіе общины излишекъ продуктовъ, ставила организаторовъ въ затруднительное положеніе. Она грозила ликвида-

---

[1]) Консерватизмъ психики организатора, протестъ послѣдняго ко всякаго рода новшествамъ освѣщенъ въ интересной статьѣ тов. А. А. Богданова „Авторитарное мышленіе“ (сб. „Изъ психологіи общества“, стр. 105.

ціей ихъ полномочій, грозила низвести ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ смертныхъ. И вотъ тогда инстинктъ самосохраненія, желаніе обезпечить себѣ ускользавшія привиллегіи толкнули организаторовъ на путь рѣшительныхъ дѣйствій. Не будучи въ состояніи удержаться на своей позиціи при помощи своихъ организаторскихъ способностей, отнынѣ обезцѣненныхъ, они попытались сохранить свои мѣста, прибѣгнувъ къ захвату. Пусть больше они не могутъ удовлетворять потребностямъ общественнаго производства, все равно, они не отказываются отъ того, чѣмъ до сихъ поръ распоряжались: и впредь будутъ всѣмъ распоряжаться и даже еще какъ распоряжаться! Теперь они будутъ дѣйствовать на основаніи права *частной собственности*.

Таковы соціологическія предпосылки того явленія, которое называется насиліемъ и захватомъ. Это не есть нѣчто совершенно произвольное, не есть актъ какой-то ирраціонально дѣйствующей, индивидуальной воли, не поддающейся никакому научному учету. Именно всегда такъ рисуютъ дѣло представители оффиціально-философскаго толкованія исторіи: въ такой-то моментъ, тамъ-то—поясняютъ они—проявилась злая воля такихъ-то отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ группъ лицъ, сіи отдѣльныя лица или отдѣльныя группы единственно повинны въ совершенномъ насиліи. Но оцѣнить данное явленіе, какъ нѣчто органическое, связанное необходимо съ развитіемъ опредѣленнаго *класса*—этого сдѣлать филистеры-историки не могутъ: это представляется имъ ужасной ересью. Еще бы, они вѣдь патентованные защитники господствующихъ классовъ; они не могутъ выйти изъ шкуры своего класса и раскрывать *тайнъ* его существованія.

Вернемся къ нашимъ организаторамъ. Видя предъ собою призракъ неминуемой отставки, они обратились къ средству, наносившему смертельный ударъ первобытному строю, средству ультрареволюціонному, но оказавшемуся для нихъ далеко не рискованнымъ. Создалось замѣчательное положеніе. Техническія изобрѣтенія содѣйствовали матеріальному прогрессу общины, дарили ей излишекъ продуктовъ, обусло-

вливали возможность болѣе счастливыхъ временъ, возможность большаго благоденствія и процвѣтанія рядовой массы: и что же? именно тогда старо-коммунистическіе устои шатались и разрушались. Именно тогда организаторы совершали свои наступательные шаги по пути захвата, именно тогда выковывалась частная собственность. Появленіе господствующихъ классовъ знаменовало собою вопіющее противорѣчіе, первое по времени въ лѣтописяхъ исторіи [1]).

Секретъ успѣха революціоннаго акта организаторовъ выше указанъ. Организаторы опирались на могущественную тенденцію, обозначившуюся тогда въ экономической жизни первобытнаго общества: это—тенденція распаденія первоначально недѣлимаго соціальнаго тѣла на части, тенденція, рожденная примѣненіемъ болѣе совершенныхъ, прочныхъ, долговѣчныхъ орудій производства.—Названныя орудія, повторяемъ, фиксируя вокругъ себя обособленныя группы лицъ, обусловливали происхожденіе частной собственности. Все то, что должно было составить предметъ частной собственности, находилось въ распоряженіи, подъ надзоромъ и контролемъ организаторовъ. Ясно, что именно имъ, а не отдѣльнымъ личностямъ, принадлежащимъ къ рядовой массѣ, легко было

---

[1]) Подобнаго рода историческими противорѣчіями богата, напр., эпоха конца среднихъ вѣковъ, эпоха такъ назыв. первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Техническія изобрѣтенія той эпохи лишили „права на существованіе“ массу феодаловъ-организаторовъ: они также прибѣгли къ захватамъ, притомъ захватамъ самыхъ грандіозныхъ размѣровъ (захватъ крестьянскихъ полей подъ пастбища для овецъ; таковы зачатки шерстяной промышленности).—Или, насиліе, выразившееся въ усиленіи крѣпостного права: это насиліе обязано своимъ происхожденіемъ именно тому обстоятельству, что техническій прогрессъ обезцѣнилъ организаторскія способности феодаловъ старо-„патріархальнаго“ типа.

Тотъ фактъ, что первыми представителями частной собственности явились организаторы-вожди, отмѣчается, напр., Н. Зиберомъ; но надлежащаго объясненія этого факта Зиберъ не даетъ. Ему представляется дѣло такъ, какъ будто организаторамъ въ процессѣ „присвоенія“ помогла именно—что бы вы думали? ихъ *работоспособность*, отличавшая ихъ отъ рядовой массы первобытныхъ дикарей. „Такъ какъ у первобытныхъ народовъ и наиболѣе сильные и ловкіе работники обыкновенно избираются въ вожди, то неудивительно, что первая частная собственность—одежда, оружіе и пр. образуется у этихъ послѣднихъ“. (Op. cit., стр. 174).

совершить переворотъ, наложить „табу“ на общинную собственность. Средства производства, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, такъ сказать, сами давались имъ въ руки. Но нѣкоторое время организаторы все же ихъ не брали. Для того, чтобы наступилъ рѣшающій моментъ, требовалось извѣстное условіе. Техническія нововведенія не сразу производятъ революцію въ экономической и общественной жизни. Старая техника съ большимъ упорствомъ—и особенно это вѣрно относительно техники первобытныхъ періодовъ культуры—отстаиваетъ свои права на существованіе. Пока новыя орудія не одержали несомнѣнной побѣды надъ старыми, пока они не получили всеобщаго признанія и распространенія, до тѣхъ поръ *организація* производства въ общинѣ сохраняется прежняя или, если подвергается реформамъ, то во всякомъ случаѣ незначительнымъ, частнымъ. Организаторы прежняго типа остаются на своихъ мѣстахъ: ихъ организаторскія способности не вступаютъ въ явное противорѣчіе съ общественно-экономическимъ идеаломъ, исповѣдуемымъ большинствомъ членовъ данной соціальной единицы. Побѣда новыхъ орудій мѣняетъ картину. Признается необходимость переустройства организацін производственной дѣятельности. И только тогда прежніе организаторы должны или удалиться въ отставку или прибѣгнуть къ „чрезвычайнымъ мѣрамъ“.

Первобытные организаторы предпочли второе. Этимъ они предуказали путь, по которому впослѣдствіи шли и продолжаютъ организаторы всѣхъ странъ и народовъ. Но дебютъ послѣднихъ на данномъ пути далеко не блестящъ. А въ новѣйшія времена „чрезвычайныя“ мѣры ведутъ какъ извѣстно, лишь къ чрезвычайнымъ злоключеніямъ организаторовъ. Организаторамъ противостоитъ сильная оппозиція разныхъ общественныхъ группъ. Принятіе чрезвычайныхъ мѣръ говоритъ объ остромъ фазисѣ классовой борьбы. Первобытные организаторы сколько-нибудь серьезной оппозиціи передъ собой не имѣли. Почва первобытнаго коммунизма, повторяемъ, не благопріятствуетъ появленію подобной оппозиціи. До какой степени первобытный коммунизмъ малоспособенъ къ сопро-

тивленію, мы можемъ судить по живымъ примѣрамъ: тамъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились его остатки, напр., въ видѣ общиннаго деревенскаго строя, мы всюду видимъ царство косности и патріархально-покорнаго консерватизма. Лишенная того, что составляло жизнь первобытнаго общества,—вполнѣ *автономной* коммунистической организаціи производства, давно подчиненная во всѣхъ отношеніяхъ организаторской власти, стоящей внѣ ея, давно обладающая лишь *фиктивнымъ* правомъ на то средство производства, которое, согласно обычному представленію, играло рѣшающую роль въ судьбахъ аграрнаго коммунизма,—на землю,—одвимъ словомъ, пережившая самое себя сельская община продолжаетъ существовать, *довольствуясь* фикціей коммунизма.

На фикціи успокоились и первобытные общинники послѣ того, какъ дни ихъ коммунизма были сочтены, послѣ того, какъ тѣ или другія средства производства были объявлены неотъемлемой частной собственностью организаторовъ, послѣ того какъ интересамъ прогрессирующаго производства былъ нанесенъ тяжелый ударъ.

III

Отнынѣ у кормила организаціи производства становились люди не умѣвшіе ею руководить, не отвѣчавшіе запросамъ новой системы экономической дѣятельности общества, обладавшіе способностями и знаніями, характеризовавшими старую организаторскую психику. Носители старой психики и старыхъ традицій, они, естественно являлись не стимуломъ, а тормазомъ производственнаго развитія. Отнынѣ это развитіе должно было идти мимо нихъ, должно было находить себѣ вовыхъ истинныхъ организаторовъ, создавшихъ новыя организаціонныя формы и новые организаторскіе центры.

Процессъ созданія послѣднихъ,—процессъ очень медленный и сложный, тянущійся вѣками, въ продолженіе которыхъ въ первобытномъ и затѣмъ античномъ обществѣ накапливались техническія изобрѣтенія, расчищавшія тернистый путь этого процесса. А тѣмъ временемъ прежніе организаторы дѣлали свое дѣло: старались новое вино влить въ старые мѣха, новую экономическую жизнь приспособить къ старымъ организаціоннымъ рамкамъ.

Въ переводѣ на языкъ техническихъ отношеній сущность охарактеризованнаго положенія вещей сводилась къ слѣдующему. Новая техника, новыя орудія производства одержали несомнѣнную побѣду надъ старой техникой и старыми орудіями, т. е. получили широкое примѣненіе. Они революціонизировали экономическій строй, дифференцировали однородныя по своему составу соціальныя тѣла. Но все же одержанную ими побѣду нельзя назвать безусловной: они не смели съ лица земли окончательно всѣхъ остатковъ старой техники. Произведенная ими общественная экономическая дифференціація *общей массы* населенія не шла слишкомъ далеко: въ нѣдрахъ первобытной общины обозначились обособленныя ячейки, сгруппированныя вокругъ извѣстнаго имущества (средствъ производства), но ячейки эти сохранили все-же между собою въ нѣкоторыхъ отношеніихъ экономическую

связь (напр., земельная территорія осталась общей собственностью цѣляго ряда родовъ или племенъ).

По распространенному представленію, эволюція техники совершается по какому-то абсолютно прямолинейному пути, на которомъ нѣтъ ни одного сучка, ни одной задоринки. Происходитъ изобрѣтеніе какого-нибудь орудія, значительно болѣе усовершенствованнаго сравнительно съ существующими, обѣщающаго несомнѣнныя, большія выгоды; моментально его утилизируютъ, моментально оно вытѣсняетъ изъ обращенія всѣ другія орудія. Элементъ борьбы, элементъ сопротивленія старыхъ орудій и старой техники обыкновенно игнорируется.

На самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно важный элементъ. Онъ на каждомъ шагу даетъ о себѣ знать и при современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, когда техническій процессъ достигъ высокой степени развитія, когда техническая мысль работаетъ съ лихорадочной быстротой и техническія открытія безостановочно слѣдуютъ одно за другимъ. И все-же, во многихъ случаяхъ, наиболѣе усовершенствованной машинѣ, составляющей „послѣднее слово науки“ приходится подолгу ждать, пока ей окажутъ предпочтеніе передъ ея соперницами, пока ей она сдѣлается вершительницей судебъ промышленности: зачастую капиталисты считаютъ для себя выгоднѣе орудовать съ машинами стараго образца, думая выиграть на интенсивной эксплоатаціи рабочихъ. Классическій примѣръ: въ экономіи капиталиста-аграрія пашутъ, сѣютъ и убираютъ жатву при помощи примитивныхъ орудій; а въ амбарѣ владѣльца экономіи стоятъ безъ употребленія новѣйшія сельско-хозяйственныя машины: онѣ поставлены туда единственно съ цѣлью угрозы рабочимъ. Если послѣдніе осмѣлятся возроптать на слишкомъ нищенскую оплату ихъ труда, на слишкомъ тяжелыя условія работы, кулакъ-аграрій обѣщается расчитать немедленно непокорныхъ и отворить двери амбара. Выгода, какъ вообще, понятіе весьма и весьма растяжимое и ссылаться на нее надлежитъ съ большею осмотрительностью.

Но разъ, даже при индустріальномъ строѣ, старая техника безъ упорнаго сопротивленія не уступаетъ мѣста новой, то легко себѣ представить, какой затяжной характеръ носила борьба этихъ двухъ противниковъ въ царствѣ первобытной культуры.

Употребленіе извѣстныхъ методовъ, извѣстныхъ средствъ производства опредѣляетъ собою функціонированіе извѣстныхъ органовъ работающаго, создаетъ извѣстныя психическія „приспособленія“. При смѣнѣ технической системы, эти приспособленія нѣкоторое время сохраняются, органы требуютъ работы въ прежнемъ направленіи. Чѣмъ дольше утилизировалась вытѣсненная техника, тѣмъ сильнѣе это требованіе, тѣмъ сильнѣе оппозиція новому способу производства, новымъ орудіямъ. Отмѣченный законъ примѣнимъ даже къ внѣшнимъ формамъ вырабатываемыхъ орудій. Тамъ, гдѣ старая культура держалась особенно долго, за новымъ матерьяломъ особенно настойчиво закрѣпляются стерыя формы. Такъ, въ странахъ, долгое время являвшихся ареной господства каменныхъ орудій, топорамъ, сдѣланнымъ изъ металла долгое время придается продолговато-клинообразная форма вытѣсненныхъ каменныхъ орудій, топоровъ. Гдѣ-же, напротивъ, прежнія средства производства держались сравнительно недолго, тамъ антагонизмъ двухъ техническихъ системъ проявляется менѣе рѣзко, тамъ быстрѣе совершается переходъ къ формамъ, свободнымъ отъ рабскаго подражанія старымъ, къ формамъ, болѣе отвѣчающимъ качествамъ новаго металла. Въ такихъ странахъ, напр.‘ металлическіе топоры быстро принимаютъ болѣе простую форму, близкую къ той, какая придается имъ въ настоящее время.

Прекращеніе функціонированія прежнихъ „психическихъ приспособленій“ воспринимается организмомъ, какъ потеря почвы подъ ногами, какъ проигрышъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому, понятно, какая сильная борьба должна была возгорѣться противъ разрушителей столькихъ „психическихъ приспособленій“, связанныхъ съ употребленіе деревянныхъ, костяныхъ, каменныхъ орудій,—противъ металловъ.

Борьба эта сопровождалась многочисленными перипетіями, когда велась aequo Marte, иногда временный успѣхъ имѣла техника прежнихъ культуръ. Какъ бы то ни было, металлы пріобрѣли въ первобытномъ обществѣ право гражданства. Но о полномъ вытѣсненіи побѣжденныхъ орудій не могло быть и рѣчи. Эти орудія господствовали въ продолженіе вѣковъ; въ продолженіи вѣковъ они опредѣляли психику производителя. И если теперь производитель сталъ пользоваться металлическими орудіями, все-же переживанія прежней психики не могли не сохранить надъ нимъ нѣкоторой власти. Конечно, тотъ *глубокій* консерватизмъ, который отличаетъ первобытныхъ организаторовъ, былъ чуждъ ему. Онъ, во всякомъ случаѣ, оказался способнымъ примѣниться къ требованіямъ новой технической системы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ умалять консервативныхъ элементовъ его рабочей психики, его привязанности къ старымъ рабочимъ процессамъ и старому укладу общественной жизни нельзя.

Въ его рукахъ, правда, металлы оказались великой революціонизирующей силой и неизмѣримо подняли производительность труда. Но вее же онъ извлекъ изъ нихъ сравнительно небольшую долю той пользы, какую они могутъ принести, прогрессъ металлургической техники подвигался впередъ дѣйствительно очень медленно. Соотвѣтственно этому, результаты происходившей дифференціаціи первобытной общины являлись не очень крупными. Единственно крупнымъ результатомъ было обособленіе командующихъ центровъ; въ средѣ рядовой массы раздѣленіе труда вылилось въ слабыя формы. Однимъ словомъ, техническая революція была безсильна оборвать многія связи съ прошлымъ экономическаго процесса; прошлое продолжало жить и оказывать властное вліяніе на развитіе вновь сложившихся производственныхъ отношеній.

При всемъ томъ революція принесла много новаго. Такъ или иначе первобытному коммунизму нанесена была рана, оказавшаяся неизлѣчимой. На исторической сценѣ слигались новыя силы: былъ ризыгранъ прологъ *классовой борьбы*.

IV.

Поступательное движеніе обособившагося организаторскаго центра развивалось съ большою послѣдовательностью. Организаторы постепенно сдавали въ архивъ прерогативы своего демократическаго прошлаго, постепенно освобождали себя отъ своихъ обязанностей по отношеніи къ общинѣ и навязывали общинѣ обязанности по отношенію къ себѣ.

Первое время съ внѣшней стороны дѣло обстояло такъ, какъ будто никакихъ особенныхъ перемѣнъ не произошло. Владѣя средствами производства, организаторы, тѣмъ не менѣе, не присваивали себѣ *всѣхъ* продуктовъ производства. Попрежнему они являлись распредѣлителями послѣднихъ. До сихъ поръ, щедрость, раздача какихъ-либо продуктовъ безъ обязательства отдачи считается великой добродѣтелью представителей „благородной касты"; это—не что иное, какъ отголосокъ первобытнэго коммунистическаго періода. Правда, отголосокъ этотъ передаетъ въ извращенномъ видѣ истинный смыслъ старинныхъ отношеній: то, что въ эпоху первобытнаго коммунизма считалось *обязательствомъ*, современные господствующіе классы обратили въ добродѣтель, въ актъ автономной *доброй воли*.

Мало-по-малу и въ первобытной общинѣ раздача продуктовъ утрачивала свой обязательный характеръ,[1]) мало по малу сокращался кругъ лицъ, среди которыхъ организаторъ находилъ нужнымъ производить эту раздачу. Первоначально продукты распространялись между всѣми рѣшительно членами общины (рода, клина); затѣмъ изъ общей массы выдѣляются лица, стоящія ближе другихъ къ организатору по происхожденію или по организаціоннымъ связямъ.

[1]) Къ сожалѣнію, намъ не приходится устанавливать точную хронологію различныхъ моментовъ описываемой эволюціи командующихъ классовъ, т. е. пріурочивать каждый данный моментъ къ опредѣленному поступательному шагу техники. Матерьялъ, собранный изслѣдователями первобытной культуры, почти никакихъ указаній на этотъ счетъ не даетъ. Единственно, что при современномъ состояніи науки можно сдѣлать,—это выяснить общій путь развитія.

Дальнѣйшій этапъ: упраздняется *безвозмездная* раздача. „Организаторъ“ впервые появляется безъ маски, впервые въ категорической формѣ заявляетъ о своихъ правахъ— правахъ безусловнаго собственника средствъ производства. Отнынѣ твердо устанавливается принципъ: тотъ, кто владѣетъ на правахъ частной собственности средствами и орудіями производства, признается *собственникомъ* и продуктовъ; а также: тотъ, кто получилъ отъ организатора въ пользованіе (разумѣется временное) тѣ или другія средства и орудія производства, обязанъ не только ихъ вернуть по принадлежности (такого безусловнаго обязательства въ прежнія времена, какъ мы отмѣчали выше, не существовало), но и вознаградить организатора-собственника. Такимъ образомъ, считается отжившимъ свой вѣкъ старое положеніе обычнаго права, согласно которому продуктъ принадлежитъ тому, кто пользуется тѣмъ или инымъ орудіемъ въ моментъ совершенія трудоваго акта.

Создается нелѣпѣйшая, но имѣвшая въ исторіи столь роковое значеніе экономическая фикція, будто въ орудіяхъ и средствахъ производства скрыта какая-то чудодѣйственная сила, будто орудія и средства помимо приложенія къ нимъ труда рабочаго, сами по себѣ способны *производить*. Именно на подобномъ удивительномъ предположеніи обосновывается право собственника орудія на продукты, производимые при помощи этого орудія.

Спрашивается, какъ подобное предположеніе могло сложиться, какъ могло оно пріобрѣсть столь великій кредитъ и пользоваться этимъ кредитомъ почти вплоть до нашихъ дней?

Отвѣтъ подсказанъ нашимъ предыдущимъ изложеніемъ. Фикція права собственника орудія на продуктъ, выработанный при помощи этого орудія сложилась подъ вліяніемъ извѣстныхъ организаціонно-производственныхъ отношеній первобытной общины. Ходъ и порядокъ всѣхъ работъ опредѣлялся организаторомъ. Вырабатываемый членами общины продуктъ поступалъ въ распоряженіи организатора, который

его распредѣлялъ. Средства производства, въ свою очередь находились въ распоряженіи организатора, (который, если требовалось, распредѣлялъ и ихъ). Общинники повторяли процессъ отдачи продуктовъ вѣ распоряженіе организтора изъ поколѣнія въ поколѣніе, иногда на протяженіе вѣковъ. Такимъ путемъ выработалось опредѣленное „психическое приспособленіе“,—опредѣленная привычка; выработался взглядъ, согласно которому продуктъ не является плодомъ труда каждаго отдѣльнаго работника, *а добывается и получается дѣйствіемъ организующей воли.*[1]).

Далѣе, подобнаго рода дѣйствіе организующей воли начинаютъ приписывать орудіямъ и средствамъ производства.

Происходитъ это вотъ какимъ образомъ. Организаторъ изъ поколѣнія въ поколѣніе распоряжается орудіями. Помимо его указаній и контроля орудія не примѣниются къ дѣлу. Орудіе лежитъ, какъ мертвый капиталъ, пока организаторъ не подастъ соотвѣтствующаго сигнала, не сдѣлаетъ приказанія. Но если актъ употребленія орудія рядовой членъ общины никакъ не могъ представить себѣ внѣ вмѣшательства организатора, если, такъ сказать, за орудіемъ, въ его представленіи, всегда стояла личность организатора, то, естественно, съ теченіемъ времени могъ сложиться своеобразный, „анимистическій“[2]) взглядъ на орудія. Орудіе начинаютъ

---

[1]) Отголосокъ этого взгляда представляетъ напр., вѣра греческаго земледѣльца въ промыслъ божества, посылающаго урожай и богатство. Его божество—это верховный организаторъ производства; идея о божествѣ развилась изъ культа предковъ *организаторовъ*. Или воззрѣніе разныхъ народовъ, согласно которому всякая удача въ предпріятіяхъ зависитъ отъ воли и милости боговъ.

[2]) Преданія первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ сохранили намъ множество отголосковъ подобнаго воззрѣнія. Орудія, принадлежащія легендарнымъ организаторамъ, всегда оказывается надѣленными чудодѣйственной силой. Когда Патроклъ или Гекторъ облекаются въ доспѣхи Ахилла, имъ сообщается сила и храбрость послѣдняго. Герои народныхъ сказокъ постоянно обладаютъ какими нибудь волшебными жезлами, лампочками, перстнями и проч. Эти предметы являются наслѣдіемъ, полученнымъ ими, тѣмъ или инымъ путемъ, отъ какихъ-нибудь фантастическихъ существъ, олицетворяющихъ „организаторскую волю“: въ этихъ предметахъ „почилъ духъ“ ихъ первоначальныхъ собственниковъ; и означенный „духъ“ дѣйствуетъ, когда ихъ новымъ собственникамъ необходимо совершить какой-либо подвигъ.

какъ бы одухотворять; въ немъ какъ бы кристаллизуется „личность“ его владѣльца. Совершается процессъ своеобразной „интроекціи“. Когда орудіе берутъ у его владѣльца и употребляютъ для работы, то этотъ владѣлецъ *какъ бы* тоже принимаетъ участіе въ работѣ. А участіе организатора въ работѣ обходится рядовому члену общины дороговато: организатору отходитъ львиная доля продуктовъ.[1]).

Впрочемъ на первыхъ порахъ онъ довольно милостивъ: охарактеризованный „анимистическій“ взглядъ еще недостаточно привился. Ссуда еще явленіе сравнительно новое. Но затѣмъ аппетитъ организаторовъ начинаетъ расти...

Въ сущности, по традиціямъ реформированнаго первобытнаго коммунизма, организатору за его „участіе въ работѣ“ принадлежалъ весь продуктъ: такой „идеалъ“ организаторы, дѣйствительно, осуществляли въ извѣстномъ случаѣ—когда на ихъ орудіяхъ работали лица, не связанныя узами происхожденія съ данной общиной, во всѣхъ отношеніяхъ чуждыя,—рабы. По отношенію къ членамъ общины, на первыхъ порахъ, идеалъ этотъ, по только что указанной причинѣ, былъ неосуществимъ. Но только на первыхъ порахъ: съ распространеніемъ обычая ссуды и съ ростомъ взимаемой за ссуду мзды, вводится новый юридическій институтъ—свободныхъ общинниковъ за *доли* лишаютъ свободы на время или навседа.

---

[1]) Напр., Кукъ передаетъ слѣдующіе любопытные факты: Одинъ начальникъ на Таити, у котораго было два гвоздя, получалъ отъ нихъ довольно значительный доходъ, ссужая ихъ своимъ соотечественникамъ для пробитія отверстій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ собственныя средства были недостаточны“. „Старѣйшины каролинскихъ острововъ также о б о г а т и л и с ь отъ отдачи въ ссуду гвоздей“. И далѣе: „Если случайно иностранное судно оставляетъ у нихъ на островахъ какіе-нибудь старые куски желѣза, то они п р и н а д л е ж а т ъ п о п р а в у т а м о л а м ъ (старѣйшинамъ), которые заставляютъ дѣлать изъ нихъ по возможности лучшія орудія. Эти орудія составляютъ фондъ, изъ котораго тамолъ извлекаетъ значительный доходъ, потому что онъ отдаетъ ихъ въ ссуду, а ссуда оплачивается довольно д о р о г о“. (Цитиров. въ изложеніи Н. Зибера—op. cit. стр. 398; курсивъ нашъ). Приведенныя данныя, между прочимъ, весьма краснорѣчиво подчеркиваютъ роль металлическихъ орудій, въ первобытномъ обществѣ, ихъ д и ф ф е р е н ц и р у ю щ е е значеніе, отношеніе къ нимъ о р г а н и з а т о р о в ъ (право с о б с т в е н н о с т и на нихъ).

Итакъ, организаторы обращаются въ ростовщиковъ, община все болѣе и болѣе попадаетъ въ матеріальную зависимость отъ этихъ организаторовъ [1]).

Одной изъ формъ зависимости явилась *заработная плата*. Чтобъ понять сущность послѣдней, необходимо сопоставить ее съ институтомъ ссуды. *Заработная плата выпекла именно изъ означеннаго института*. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ убѣдиться легко; стоитъ только проанализировать,—принявъ во вниманіе сказанное выше относительно „права на продукты“,—позицію организатора, дающаго плату, и общинника, получающаго ее. Общинникъ работаетъ на орудіи, принадлежащемъ организатору: вотъ центральный фактъ характеризующій ихъ взаимныя отношенія. Другими словами, въ переводѣ на языкъ первобытной организаціи производства, организаторъ *ссужаетъ* орудіе общиннику. Первоначальная форма ссуды—это ссуда орудія *на сторону*, въ хозяйственную ячейку, къ которой принадлежитъ общинникъ; вторичная форма—отдача въ ссуду въ предѣлахъ хозяйства самого организатора. Общинники являются къ организатору и пользуются его орудіями и средствами производства, отдавая извѣстную часть продуктовъ. Подобный порядокъ получаетъ все большее и большее распространеніе. Вотъ именно отсюда и намѣчается переходъ къ тому, что называется заработной платой. Организаторъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться ролью простого ростовщика, начинаетъ утилизировать ссуду въ интересахъ расширенія своего собственнаго хозяйства. Попрежнему онъ даетъ пользоваться своими орудіями, но почти весь продуктъ, вырабатываемый съ помощью послѣднихъ оставляетъ въ свою пользу. Создается новая фикція: представители командующихъ классовъ перевертываютъ понятіе о ссудѣ, такъ сказать вверхъ ногами. Получается такъ, какъ будто лицами, *дающими* продукты, являются именно

---

[1]) Ср., напр. у Н. Зибера относительно скотоводческихъ племенъ: „Недостатокъ скота у свободныхъ членовъ племени и обиліе его у главы племени... повело къ отдачѣ его въ ссуду и къ обращенію членовъ племени въ зависимость отъ вождя“. (Op. cit. стр. 399).

они, а не общинники, работающіе у нихъ, какъ будто они платятъ общинникамъ. На самомъ дѣлѣ, мы видимъ какъ разъ обратное: все время платитъ тотъ, кому ссужается орудіе. *Заработная* плата! какъ будто платятъ за работу. За работу ровно ничего не платятъ. Наоборотъ, рабочій платитъ за пользованіе тѣмъ или инымъ орудіемъ или средствомъ производства. Заработная плата—не что иное, какъ часть продукта, который *остается* у рабочаго, *за вычетомъ* того, что онъ *отдаетъ* собственнику орудія. И такова эластичность ссудныхъ операцій: раньше, когда ссуда была только ссудой, когда она характеризовалась отношеніями между должниками-общинниками и кредиторами-организаторами, считалось, что общинникъ *беретъ* въ свою пользу указанную долю продукта; теперь же дѣло изображается въ иномъ видѣ: указанную долю продукта общинникъ якобы получаетъ милостью организатора. Организаторъ-собственникъ отбираетъ у своего кліента теперь почти весь продуктъ; и что же! за его поступательные шаги по пути эксплоатаціи труда его начинаютъ... считать благодѣтелемъ. Онъ даетъ теперь работу, даетъ заработную плату, даетъ средства къ существованію. Истинный спаситель рода человѣческаго!..

Итакъ, сущность описываемаго экономическаго процесса—въ распространеніи ссудныхъ операцій и увеличеніи ссуднаго „процента“. Чѣмъ выше послѣдній, чѣмъ больше ссуда входитъ въ обиходъ соціальной жизни, тѣмъ благодарнѣе почва для нарожденія новаго экономическаго института—института заработной платы. Въ нѣдрахъ первобытнаго общества означенный институтъ, какъ извѣстно большого развитія не получилъ, не получилъ развитія вольнонаемный трудъ. Правда, въ иныхъ случаяхъ мы сталкиваемся съ проведеніемъ въ жизнь началъ „свободнаго“ труда. Такъ, напр., кафры, не имѣющіе достаточно скота идутъ работать и служить въ хозяйство „дворъ“ своихъ вождей [1]), за что и получаютъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Но въ общемъ подобнаго рода

[1]) Н. Зиберъ, op. cit. стр. 399.

явленіе нельзя считать типичнымъ для данной эпохи. Въ данную эпоху намѣтились лишь предпосылки имѣющихъ создаться въ отдаленномъ будущемъ соціально-экономическихъ отношеній. Первобытное, а затѣмъ древнее общество стоятъ не подъ знакомъ противоположенія „свободнаго“ труда и его эксплуататоровъ, а подъ знакомъ противоположенія кредиторовъ-организаторовъ и ихъ должниковъ съ одной стороны, рабовъ и свободныхъ съ другой. Рѣзкая форма, въ которую отлилась впервые борьба классовыхъ отношеній внутри общества, это—борьба, сконцентрированная вокругъ долговыхъ обязательствъ. Вспомните, напр., прологъ достовѣрной исторіи аѳинскаго государства:—возмущеніе (stasis) тѣхъ кто „почти ничего не имѣлъ“ противъ „немногихъ“, завладѣвшихъ всею землею, игравшею роль главнаго средства производства [1]). Возстали именно должники [2]) противъ заимодавцевъ, возстали мелкіе слои собственниковъ, которые постепенно переходили на положеніе „деклассированныхъ“, выбрасывались за бортъ своего класса.

Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ подобнымъ деклассированнымъ предстоитъ участь *пролетарія*. Въ обществѣ первобытномъ и древнемъ (имѣемъ въ виду общество на рубежѣ его ,,достовѣрной“ исторіи [3]) деклассированные обращались въ *рабовъ*.

Во времена, предшествовавшія ,,революціонному“ походу организаторовъ противъ коммунистическихъ устоевъ первобытной общины, членъ общины, взявшій какое-либо орудіе

[1]) Aristotelis ,,Politeia Athenaion“ (ed Blass), c. II; Plutarchi ,,Solo“, c. XIII.

[2]) Ср. характеристику, сдѣланную имъ Аристотелемъ: ,,и служили (edoulevon) бѣдные богатымъ, сами и дѣти ихъ и жены; и назывались они пелатами и гектеморами (платящими шестую часть): за такую плату обрабатывали они земли богатыхъ. А вся земля принадлежала немногимъ. И если бѣдные не отдавали плату, они и дѣти ихъ подлежали рабству. И ссудныя сдѣлки всегда заключались подъ условіемъ: должники отвѣчали свободой“(,,Politeia Athenaion“ II, 2).

[3]) Въ классическую эпоху греческой исторіи аттическое право не знало уже обращенія въ рабство полноправныхъ гражданъ за долги (но для метековъ въ данномъ случаѣ сохраняли силу старыя юридическія нормы (Ср. въ сборникѣ ,,Zum, ältesten Strafrecht der Kulturvölker статью von Wilamowitz—Movellendorf'a стр. 16.

или средство производства у другого члена, зачастую, не обязанъ вернуть это орудіе. Послѣ побѣды организаторовъ надъ коммунистическими устоями должникъ, не оправдавшій довѣрія своего кредитора, не вернувшій ссуды, сталъ отвѣчать своимъ „тѣломъ“ передъ кредиторомъ. Послѣдній могъ даже убить его. Но такой способъ погашенія долга не имѣлъ распространенія. Предпочитали иной образъ дѣйствій: должникъ обязанъ былъ погашать долгъ въ теченіе очень продолжительнаго времени или всей жизни, работая на кредитора, безъ права получить малѣйшую долю выработаннаго продукта. Болѣе того, погашать его долгъ, при подобныхъ же условіяхъ, приходилось и женѣ его, и дѣтямъ, и внукамъ, и правнукамъ. Въ лицѣ рабовъ, трудъ платилъ ростовщическому капиталу проценты, которые никогда не грезились во снѣ самымъ алчнымъ хищникамъ современнаго промышленнаго и финансоваго міра. То былъ золотой вѣкъ ссудныхъ операцій.[1])

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что современная крупная промышленность развилась эволюціоннымъ путемъ изъ экономической системы, характеризующейся именно раздачей въ „ссуду“ на долгъ работникамъ различныхъ средствъ и матеріаловъ производства (сырья). Ср. Verlags—или Verlagssistem —„систему ссуды“.

V.

Одной изъ четырехъ добродѣтелей, завѣщанныхъ древнеиндійскими законами и древнеиндійской моралью благочестивымъ представителямъ командующихъ кастъ, значится пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ: наряду съ обязанностью соблюдать законъ (dharma) и добиваться освобожденія (moksha—т. е. освобожденія духа отъ путъ чувственнаго міра), „дважды рожденный“ брахманъ долженъ заботиться объ artha (имуществѣ). „Того требуетъ житейская мудрость“ [1]) т. е. двуличная мудрость „организаторовъ“

Отнынѣ, укрѣпивъ свою новую позицію, организаторы выступаютъ съ проповѣдью богатства. Бѣдность и нищета—это несчастіе, наказаніе, посылаемое божествомъ за грѣхи, порокъ; богатство, напротивъ, синонимъ счастья, блаженной жизни, награды, которою отмѣчаютъ боги людей достойныхъ и добродѣтельныхъ. Именно, какъ подателей богатства, чтутъ представители господствующихъ классовъ своихъ боговъ. Въ ведійскихъ гимнахъ, въ рапсодіяхъ Гомера, въ средневѣковыхъ сказаніяхъ о богатыряхъ-князьяхъ, въ русскихъ былинахъ даны яркія свидѣтельства апофеоза матеріальныхъ благъ.

Правда, „житейская мудрость“ осуждаетъ тѣхъ, кто „собираетъ безмѣрно великія сокровища“, не выполняя предписанія стараго обычая, „не дѣлясь имъ милостиво“ [2]) съ людьми достойными. Истиннымъ идеаломъ организаторовъ должно быть „богатство, соединенное съ щедростью“.[3]) О сущности подобной поправки къ провозглашенной теоріи любо-

---

[1]) „Hitopadesa“. Ins Deutsche ubersetzt von Iohannes Hertel. I. 32.
[2]) См. Gudrun, I, 32.
[3]) Hitopadesa I, 123 Ср. также IV .53. „(Кто пріобрѣтаетъ сокровища и пріобрѣтенное раздаетъ... тотъ господствуетъ надъ землею“).

стяжанія мы уже говорили выше. Напомнимъ, что организаторы постепенно эволюціонировали въ данномъ отношеніи, постепенно съуживали возложенныя на нихъ коммунистической общиной обязанности распредѣлителей. Соотвѣтственно этому, вопросъ усложняется: старый коммунистическій идеалъ все болѣе и болѣе становится въ рѣзкое противорѣчіе съ новымъ, владѣльческимъ идеаломъ. Идеологамъ господствующихъ классовъ все болѣе и болѣе хлопотъ доставляетъ задача примирить эти идеалы. Распредѣлять надо съ толкомъ, распредѣлятъ—вещь чрезвычайно трудная, твердятъ они. „*Errat, si quis existimat facilem rem esse donare*“ [1]) Еще бы, изворачиваться, дѣйствительно, приходится не мало, не мало приходится жонглировать мыслью, чтобъ спаять не поддающееся спайкѣ, чтобы подыскать теоретическія обоснованія новому порядку вещей и предстать съ этимъ обоснованіемъ передъ аудиторіей, еще живущей отголосками коммунистическихъ вѣрованій.

„Я не утверждаю, что богатство благо, но, что его слѣдуетъ имѣть (habendas esse), что оно полезно и приноситъ съ собою крупныя удобства жизни (et utiles, et magna commoda vitae afferentes), это я признаю“ [2]). „При богатствѣ для умѣренности, щедрости, умѣнья быть осмотрительнымъ, размѣрять свои шаги, выказывать себя съ блестящей стороны—широкое поприще“.[3])

Даже мудрецъ (philosophus) не долженъ отказываться отъ богатства: „Никто не осудилъ мудрость на бѣдность“. Разумѣется, богатство должно быть пріобрѣтено честнымъ путемъ.

„Будутъ у мудреца громадныя средства, но не награбленныя, не покрытыя ничьей кровью, пріобрѣтенныя не несправедливостью, не грязнымъ ремесломъ... Сколько хочешь, поноси ихъ,—честное богатство!. И мудрецъ не отвергнетъ

---

[1]) „Ошибается, если кто думаетъ, что дарить легко“, Senecae: „De vita beata, ad Gallionem fratrem“, cap. XXIV, 1.)
[2]) Senecae: „De vita beata“, cap. XXIV, 5.
[3]) Ibid, cap. XXII, 1.

благословеніе судьбы... О великій мужъ, о славный богачъ!... Почему-же онъ откажетъ богатству въ хорошемъ пристанищѣ? Пусть оно придетъ, пусть будетъ гостемъ. Онъ не выгонитъ богатства изъ дому. На какомъ основаніи? Скажетъ „ты безполезно“, или „я не умѣю *пользоваться богатствомъ*“... „Онъ будетъ раздавать его“.

Но мудрецъ считаетъ себя обязаннымъ тутъ-же предостеречь нѣкоторыхъ наивныхъ слушателей. „Что вы насторожили уши? что раскрыли карманы? Онъ будетъ раздавать его людямъ хорошимъ или тѣмъ, кого онъ надѣется сдѣлать хорошими людьми. Онъ будетъ дарить съ величайшей осмотрительностью, выбирая достойнѣйшихъ. Его карманъ часто открывается, но дыръ въ этомъ карманѣ нѣтъ: много сокровищъ выходитъ, но не выпадаетъ оттуда“. [1]) Правда, мудрецъ заявляетъ, что его щедротъ лишены лишь люди порочные (turpes), которымъ все равно помочь нельзя, но мы знаемъ цѣнность подобныхъ заявленій, исходящихъ отъ носителей „организаторскаго“ міросозерцанія. Кто принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ и кто къ числу порочныхъ? Достойнѣйшій—тотъ, кто умѣетъ достойнѣйшимъ образомъ удерживать въ своихъ рукахъ орудія и средства производства; порочный тотъ, кто дѣлать этого не умѣетъ или же не имѣетъ счастья принадлежать къ „благословеннымъ судьбою“ собственникамъ. Впрочемъ, можно иногда наградить или облагодѣтельствовать человѣка „подлаго званія“: „природа велитъ помогать людямъ: рабы ли, или свободные, свободнорожденные или вольноотпущенники, не все ли равно“.[2]) Но извѣстно, кого изъ рабочихъ награждаютъ и благодѣтельствуютъ, напр., современные „отцы“ промышленности: выражающихъ готовность въ той или иной формѣ поддерживать устои эксплоататорскаго произвола, напр., штрейкбрехеровъ, т. е. какъ разъ тѣхъ, кто въ глазахъ сознательныхъ пролетаріевъ является turpis, является предателемъ своего

---

[1]) Ibid cap. XXIII, passim.
[2]) Ibid cap. XXIV 2..

класса. Или кого изъ рабовъ „благодѣтельствовали“ древніе патриціи: опять таки выше всего ставившихъ „господскіе интересы“.

Мы цитировали автора трактата „О блаженной жизни“. Такъ оправдываетъ онъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ софистовъ командующихъ классовъ—ссылаясь и на „благословляющую“ судьбу и на „повелѣвающую“ природу,—усвоенную организаторами позицію. Отъ времени первыхъ завоевательныхъ шаговъ организаторовъ до времени, въ которое жилъ Сенека,—длинный путь техническаго прогресса.

На развалинахъ коммунистическаго строя выросло громадное рабовладѣльческое государство, концентрировавшее въ своихъ рукахъ нити торговли и производства всего античнаго міра. Однимъ словомъ, организаторы ушли далеко впередъ по избранному ими пути. Сенека формулируетъ вопросъ о соотношеніи коммунистическаго и организаторскаго идеаловъ въ его сравнительно позднѣй, усложненной редакціи. Требуется особенная софистическая ловкость, чтобы доказать тезисъ: богатство не только не препятствуетъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ развитію и проявленію различныхъ „добродѣтелей“,—въ частности, щедрости. Для насъ данная постановка вопроса интересна вотъ чѣмъ: она очень ярко свидѣтельствуетъ о рѣшительномъ торжествѣ „захватнаго“ начала надъ старымъ укладомъ жизни. Обладаніе богатствомъ объявляется условіемъ, опредѣляющимъ возможность нравственнаго совершенства. То, что является отголоскомъ старокоммунистической системы производства (щедрость), ставится въ причинную зависимость отъ позднѣйшей системы соціально-экономическихъ отношеній (отъ богатства, основаннаго на обладаніи средствами производства). Историческую хронологію начинаютъ вести съ обратнаго конца—отъ „сотворенія“ частной собственности.

Конечно, приводя примѣръ Синеки, мы отнюдь не хотимъ сказать, что именно ко времени римскаго стоика слѣдуетъ пріурочить возникновеніе теоріи, согласно которой такъ называемая добродѣтель составляетъ привилегію, монополію

собственниковъ средствъ производства. Мы воспользвоались трактатомъ Сенеки лишь какъ яркой формулировкой взглядовъ, развившихся въ разныхъ общинахъ и получившихъ въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ условій техническаго прогресса, то эмбріональное, то болѣе опредѣленное выраженіе. Безъ сомнѣнія, идеологія римскихъ „организаторовъ“ эпохи Нерона полнѣе, яснѣе и рѣшительнѣе подчеркиваетъ основныя тенденціи идеологіи господствующихъ классовъ, чѣмъ идеологія организаторовъ общинъ и государствъ, менѣе успѣвшихъ до того времени развиться въ техническомъ отношеніи. Но, повторяемъ, римскіе организаторы эпохи Нерона вовсе не *изобрѣли* означенныхъ тенденцій: эти тенденціи являлись повсемѣстно необходимымъ сопутствующимъ элементомъ роста организаторско-владѣльческой группы.

Итакъ, только „благороднымъ“ и богатымъ предоставлено право на нравственную высоту и совершенство. Людямъ физическаго труда, работникамъ, наемникамъ рабамъ „путь добродѣтели закрытъ“. Не могутъ они, напримѣръ, быть щедрыми, не могутъ быть также „умѣренными“, сохранять душевное и моральное равновѣсіе. Только благородный знаетъ мѣру всѣхъ вещей: здѣсь опять мы сталкиваемся съ переживаніями глубокой старины—съ памятью о первобытномъ организаторѣ-распредѣлителѣ продуктовъ производства и самыхъ работъ. Одинъ организаторъ можетъ, какъ слѣдуетъ, все разсчитать и взвѣсить, онъ одинъ имѣетъ правильное представленіе о „цѣломъ“ экономическомъ организмѣ и его частяхъ, объ отношеніи послѣднихъ между собою и къ цѣлому[1]). Естественно, владѣя тайнами гармоніи цѣлаго—общества, онъ долженъ владѣть тайнами гармоніи и отдѣльной личности. Самое по-

[1]) Въ исторіи древней философіи имѣются примѣры системъ, придающихъ мистическое, творческое значеніе ч и с л у: такова пиѳагорійская система. Число—начало всѣхъ вещей, число управляетъ міромъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнныя переживанія организаторской идеологіи: организаторы совершаютъ апоѳеозъ своихъ прежнихъ профессіональныхъ способностей, при посредствѣ которыхъ они, дѣйствительно, управляли первобытнымъ обществомъ.—Необходимо имѣть въ виду, что тѣ же пиѳагорійцы выставляли своимъ соціальнымъ идеаломъ именно автократію „немногихъ“.

нятіе о *личности*, объ отдѣльной особи было выработано именно развитіемъ организаторской группы. Это—понятіе о самомъ организаторѣ, объ его „я“, выдѣлившемся изъ рядовой массы общинниковъ и противостоящемъ послѣдней, какъ нѣчто совершенно отличное. И, естественно, организаторы отказывали простымъ смертнымъ въ *знаніи* личности, ея потребностей и способностей. Одни представители соціальныхъ верховъ могутъ знать секретъ управленія ею, одни они могутъ наставлять ее, во всѣхъ обстоятельствахъ, на надлежащій путь. Рядовые общинники лишены возможности регулировать свои дѣйствія. Не будучи направляемы организаторами, они роковымъ образомъ осуждены блуждать въ темнотѣ, поминутно терять равновѣсіе, нарушать „мѣру“. До сихъ поръ широко распространено предубѣжденіе противъ умѣнья представителей низшихъ слоевъ народа владѣть собою: „мужикъ“, въ сознаніи традиціонно мыслящей публики, синонимъ чего-то невоздержнаго, неумѣреннаго, хватающаго черезъ край, лишеннаго твердыхъ „нравственныхъ“ устоевъ. Патентъ на послѣдніе, повторяемъ, берутъ себѣ командующіе классы. Никто-же благъ, токмо они!

И это далеко не единственный, далеко не самый важный для нихъ патентъ. Реальная сила его не велика, сравнительно съ тѣмъ, что даютъ имъ привилегіи вершить *судъ*.

Въ ранній періодъ исторіи первобытнаго общества, при совершеніи преступленія, въ дѣло могъ вмѣшиваться каждый членъ общины. Это значило, что преступленіе касается всей данной соціальной группы (рода, клана, племени). И на каждомъ членѣ общины лежали юридическія обязанности—каждый членъ общины долженъ былъ, при случаѣ, брать на себя роль заступника общихъ интересовъ, въ той или иной формѣ поправлять вредъ, причиненный общинѣ преступленіемъ. Подъ самымъ преступленіемъ понимали нѣчто совершенно иное, чѣмъ теперь. Элементъ отвѣтственности не входилъ въ въ содержаніе означеннаго понятія. Оно не было затемнено позднѣйшими наслоеніями, а схватывало именно то, чѣмъ преступленіе является по существу. Выражаясь древнеиндій-

скимъ терминомъ, преступленіе—это aparadha—непорядокъ, т. е. нарушеніе установленнаго порядка производственнаго процесса и обусловленныхъ этимъ процессомъ „организующихъ“ нормъ (имущественныхъ, семейныхъ, религіозныхъ, даже эстетическихъ). Напримѣръ, нарушеніе ритма хоральной пѣсни или пляски являлось aparadha (и, прибавимъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ каралось смертью). Хотя за свой проступокъ виновный нравственно не отвѣчалъ, тѣмъ не менѣе онъ платился за него.—Опять таки это не было наказаніе въ современномъ смыслѣ юридическаго термина, а просто удаленіе элемента, вносящаго въ ходъ общественно-экономической жизни безпорядокъ. Удаленіе—простѣйшій, естественный способъ самозащиты первобытной группы.

Такъ было до авантюристическаго выступленія организаторовъ. Затѣмъ начинается радикальная перестройка всего зданія юридическихъ отношеній. Похитители средствъ производства похищаютъ у общинниковъ права на вершеніе суда и расправы. Правда, еще раньше община возложила на нихъ юридическія функціи. Но это вещъ иная: никакой монополіи не было мѣста, участіе общинниковъ въ „расправѣ“ отнюдь не исключалось, рѣчь шла не объ „абсолютныхъ“ правахъ, юридической *власти* не существовало. Теперь, помимо всего прочаго, наряду съ созданіемъ юридической власти, возникаетъ институтъ *власти* законодательной. Затѣмъ реформируется понятіе преступленія и наказанія. Если раньше преступленіе почиталось чѣмъ-то стихійнымъ, своего рода болѣзнью[1]), которая обусловливается не внутренними, а внѣшними причинами, за которую преступникъ не несетъ „отвѣтственности“, теперь постепенно вводится понятіе о внутреннемъ источникѣ преступленія, о злой волѣ. Преступленія начинаютъ квалифицироваться, какъ преднамѣренныя и непреднамѣренныя, вольныя и невольныя. Преступникъ признается несущимъ отвѣтственность. Сначала онъ отвѣчаетъ передъ цѣлымъ родомъ, или цѣлой общиной (отголосокъ воспоминаній о ком-

[1]) См. сборникъ „Zum ältesten Strafrecht der Kulturvölker“, статья H. Oldenburg'a стр. 71.

мунальной собственности на средства производства). Затѣмъ устанавливается мало-по-малу новый принципъ: совершившій преступленіе совершилъ его противъ организаторовъ, „согрѣшилъ“ *передъ ними*. Дальнѣйшій этапъ развитія юридическихъ основоположеній: отвѣтственнаго передъ ними преступника организаторы могутъ миловать или не миловать по своему усмотрѣнію. Въ прежнія времена судьи не имѣли права освободить нарушителя „порядка“ отъ кары; кара—дѣло общины, опредѣляется интересами послѣдней. Теперь—на первомъ планѣ интересы частныхъ собственниковъ средствъ производства: кара зависитъ отъ частныхъ интересовъ. Право на наказаніе индивидуализируется.

Мы должны остановиться на крупномъ моментѣ охарактеризованнной эволюціи—на новоявленномъ понятіи о злой волѣ. Необходимо выяснить его соціально-экономическую родословную. Прежде всего—„воля“: откуда взялось это понятіе, само по себѣ, безъ отношенія къ сопутствующему ему опредѣленію „злая“? Оно принадлежитъ къ категоріи такихъ понятій, какъ душа, первопричина, двигающая сила, сложившихся въ атмосферѣ „авторитарнаго мышленія“[1]). Какъ всѣ эти родственныя между собой понятія, „воля“ указываетъ на личность организатора, суммируетъ отношенія организующихъ съ организуемымъ. Воля—это направляющая, регулирующая, распоряжающаяся психика представителя командующаго центра. Обладать волей,—въ сущности, составляетъ привилегію организаторовъ. Но обладать *злой* воли, т. е. воли, вносящей безпорядокъ и разстройство въ область данной системы производства, было-бы для организаторовъ крайне невыгодной привилегіей. Правда, на первыхъ порахъ возникновенія организаторской группы, тогда, когда организаторскіе посты были выборными и организаторы не являлись существами „высшаго типа“,—дѣйствительно, неудача того или иного предпріятія ставилась въ зависимость отъ умѣлости и распорядительности вожака. Вожака „удаляляли“. Съ постепеннымъ рос-

[1]) Въ цитир. уже нами статьѣ тов. Богданова „Авторитарное мышленіе“ выясненъ генезисъ этого понятія.

томъ общественнаго значенія организаторовъ, роль послѣднихъ въ данномъ отношеніи начинаетъ становиться довольно щекотливой. Волѣ старѣйшины и главы рода или клана приписываютъ всѣ нежелательныя явленія, происходящія въ нѣдрахъ организуемой ими соціальной ячейки. Кто принимаетъ на себя организаторскія полномочія, тотъ тѣмъ самымъ беретъ на себя задачу не допускать никакихъ аномалій въ жизни первобытнаго общества: въ этомъ и заключается сущность его дѣятельности. Постепенно общество раскалывается на двѣ части: инертную, неспособную самостоятельно дѣйствовать,—по господствующему представленію—рядовую массу и носителей творческаго начала, двигающей силы—организаторовъ собственниковъ. Все, что происходитъ въ жизни общества, происходитъ по волѣ послѣднихъ. Они всемогущи. Все „добро, слава, дѣла“, характеризующія степень преуспѣянія и благоденствія данной общины,—результатъ ихъ направляющей воли, принадлежитъ имъ. Но палка оказывается о двухъ концахъ. Всемогущіе, они обязаны естественно, принять на себя и всѣ „темныя дѣянья“ и всѣ несчастія, имѣющія мѣсто въ подвѣдомственной имъ общинѣ. Виновники „добра“ должны быть и виновниками „зла“. Общинники терпятъ на войнѣ жестокое пораженіе: побѣжденные обвиняютъ въ неудачѣ своихъ вождей. Заразная болѣзнь, моръ свирѣпствуетъ среди общинниковъ: согласно всеобщему мнѣнію, это боги послали наказаніе за „грѣхи“ организаторовъ. Страдаетъ община отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ, малоуспѣшно идетъ общинное производство—опять замѣшана „воля“ тѣхъ, кто стоитъ на верху соціальной лѣстницы. Совершитъ кто-либо изъ членовъ общины тяжкое нарушеніе установленныхъ нормъ общежитія и тутъ дѣло не обходится безъ нареканій на организующую „волю“.

Всюду эта „воля“! Она—источникъ всего происходящаго; прежнее представленіе о стихійномъ преступленіи, стихійномъ грѣхѣ, приходящемъ извнѣ, отнынѣ устарѣло. Отнынѣ причина, корень „зла“ лежитъ въ личности человѣка, отнынѣ отдѣльная особь несетъ отвѣтственность за совершаемое ею.

Но организаторы, естественно, недовольны подобнымъ расширеніемъ „правъ“ своей личности. Они согласны удовлетвориться частью привилегіи, пріобрѣтенной или вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ средствъ производства,—привилегіи на всемогущество, а кое-что переуступить рядовой массѣ. Олигархи, они выступаютъ въ данномъ случаѣ защитниками реформы въ демократическомъ духѣ.

Ормуздъ отдѣляется отъ Аримана, Богъ отъ діавола. Слагается дуалистическая теорія: добро и зло признаются началами, исключающими другъ друга, началами совершенно разнаго порядка. Это значитъ, что въ организаторской волѣ они не совмѣщаются. Царство зла, грѣха, преступленія—внѣ организаторской группы. Организаторъ отвѣтственности за совершаемое въ его общинѣ зло не несетъ. Онъ долженъ лишь очищать общину отъ послѣдствій зла (творя судъ, принося искупительныя жертвы или просто возсылая моленіе своимъ богамъ): это въ его власти и должно составлять его привилегію. Этимъ ограничиваются его отношенія къ проявленіямъ „aparadha“. Что же касается отвѣтственности за различныя нарушенія порядка и гармоніи соціально-экономическихъ нормъ, усвоенныхъ общиной, то подобная отвѣтственность предоставляется теперь каждому члену рядовой массы. „Демократизація“ преступленія, конечно, осуществилась не сразу, а проходила послѣдовательные этапы развитія. До сихъ поръ господствующимъ классамъ не суждено видѣть окончательнаго торжества выдвинутаго ими идеала: часть рядовой массы, лишенная гражданскихъ правъ, до сихъ поръ считается лишенной, одновременно, и „права на преступленіе“ (напр., несовершеннолѣтніе въ извѣстныхъ случаяхъ). Но какъ бы то ни было, означенное „право“ было переуступлено древними организаторами-собственниками общинникамъ. За рядовымъ общинникомъ, который считался инертнымъ существомъ, не обладающимъ способностью дѣйствовать по своей иниціативѣ, безъ внушенія свыше, теперь признается, въ извѣстныхъ случаяхъ, личность: онъ, оказывается, можетъ проявлять свое „я“, свою волю. Только эта воля не-

премѣнно должна быть злая. Творцами добра простые смертные попрежнему быть не могутъ. Все доброе устрояется попрежнему попеченіемъ и помышленіемъ организаторскихъ верховъ.

Конечно, если бы организаторы занимали ту позицію, которая имъ принадлежала въ началѣ, если бы они чувствовали себя представителями общинной *массы*, подобная теорія не могла бы сложиться: они не тяготились бы возложенною на нихъ „отвѣтственностью“, не пытались бы снять ее съ себя. Что являлось бы зломъ для общины, являлось бы зломъ и для нихъ. Но интересы общины давно перестали быть интересами организатора. Организаторъ давно идетъ своей дорогой, сознаетъ себя чуждымъ тѣхъ общихъ стремленій и заботъ, которыя волнуютъ рядовую массу. Собственность на средства производства диктуетъ ему иныя, діаметрально противоположныя задачи. *Зачѣмъ же, на самомъ дѣлѣ, ему брать на себя „отвѣтственность“ за то, что такъ чуждо его интересамъ?* Послѣ того какъ онъ овладѣлъ средствами производства, отношенія между членами общины начали осложняться, количество „зла“ начало увеличиваться въ возрастающей прогрессіи. Нѣкогда призванный регулировать ходъ производственнаго процесса, направлять его такъ, чтобы соблюдалась наибольшая экономія и продуктивность работы, теперь онъ, со своими „правами“ собственности играетъ роль камня, лежащаго на пути этого процесса. Онъ тянетъ назадъ, къ старымъ формамъ техники, которыя въ свое время оправдывали его существованіе. Ему трудно приспособиться къ новымъ техническимъ методамъ, въ десятки разъ труднѣе, чѣмъ любому рядовому общиннику. Онъ въ сущности уже не организаторъ, а дезорганизаторъ. Прогрессивное техническое развитіе и съ нимъ прогрессивное развитіе общественной жизни въ ея различныхъ проявленіяхъ („надстройкахъ“) обходитъ его. Регулировать производство онъ уже не можетъ. Повторяемъ, онъ лишь старается приспособить новую технику къ старымъ формамъ, а подобное урегулированіе означаетъ не что иное, какъ внесеніе безпорядка въ

хозяйственную дѣятельность рядовой массы. Одинъ изъ актовъ подобнаго урегулированія это—охрана захваченной у общины собственности. Приходится отстаивать собственность отъ всякаго рода посягательствъ со стороны, приходится бороться противъ остатковъ коммунистическихъ обычаевъ, противъ дѣйствій общинниковъ, которые въ отдѣльныхъ случаяхъ никакъ не могли усвоить принципа неприкосновенности перешедшихъ въ частное владѣніе орудій и продуктовъ. Вотъ эта борьба и является *рышающимъ* моментомъ въ процессѣ разграниченія „доброй“ и „злой“ воли: именно она побудила организаторовъ *категорически* отречься отъ части „правъ на всемогущество“.

На самомъ дѣлѣ, брать на себя отвѣтственность за всѣ нарушенія соціально-экономическихъ нормъ, значило, *помимо всего прочаго*, обвинять себя въ преднамѣренномъ противодѣйствіи собственнымъ интересамъ, квалифицировать себя, какъ враговъ самимъ себѣ. Посягательствъ на собственность, присвоенную организаторами, послѣдніе никакъ не могли приписать своей „волѣ“. Эти посягательства, въ глазахъ организаторовъ, несомнѣнное „зло“, „apagadha“, согласно установившемуся уже тогда воззрѣнію, предполагаетъ дѣйствіе активной двигающей силы—чьей-нибудь воли. А разъ такъ, приходится усмотрѣть въ представителяхъ рядовой массы носителей означенной силы. При этомъ заключеніе о наличной волѣ у представителей рядовой массы сдѣлано на основаніи фактовъ одного порядка: „рядовики“ выступаютъ самостоятельно, внѣ зависимости отъ воли организаторовъ,—такъ послѣдніе рисуютъ себѣ картину соціальныхъ отношеній—только тогда, когда противорѣчатъ интересамъ захваченной собственности; въ остальныхъ случаяхъ организаторы видятъ прежнюю инертную, лишенную иниціативы массу. Отсюда выводъ: простые смертные обладаютъ односторонне развитой волей; воля эта направлена противъ организаторовъ; слѣдовательно она злая и только злая.

Переуступая, такимъ образомъ, „злую“ волю, оставляя за собой монополію на волю добрую, организаторы объ-

являютъ себя единственными охранителями и единственными созидателями правовыхъ нормъ. Рядовику, которому отказано въ правѣ считаться „полнымъ“ человѣкомъ, полною личностью, отказываютъ въ способности различать справедливое и несправедливое. Онъ не можетъ знать закона, а если, паче чаянія, вздумаетъ изучать послѣдній, то подобное занятіе,—выражаясь языкомъ древнеиндійскихъ законодателей, —„плода ему не принесетъ“. Знаніемъ закона можетъ обладать только „хорошо рожденный“, только онъ можетъ быть „вѣдающимъ справедливое“, dharmavid.

Этого мало. Вообще „знаніе“ составляетъ привилегію командующихъ группъ.

Судрѣ, члену низшей изъ индійскихъ кастъ, запрещено раскрывать священныя книги ведъ: нарушающій подобное запрещеніе совершаетъ великій грѣхъ [1]). Суть, конечно, не въ религіозномъ характерѣ запрещенія. Веды—сокровищница мудрости, накопленной господствующими кастами, плодъ ихъ организаторскаго опыта. Правда, это мудрость сравнительно позднѣйшей редакціи, плоды опыта, суммированнаго весьма односторонне: многаго изъ тѣхъ знаній, которыя усвоены были организаторами при выполненіи ими ихъ прежнихъ полномочій и которыя въ свое время оправдывали ихъ существованіе, являлись необходимымъ элементомъ экономической системы первобытнаго общества, ведійскіе гимны не сохранили. Тѣмъ не менѣе, открыть судрамъ доступъ къ сокровищницѣ ведійской мудрости, „благородные“ не могли: это значило отдать побѣжденнымъ и покореннымъ часть выкованнаго противъ нихъ оружія.

Первобытные организаторы—первые представители умственнаго труда, съ ихъ выступленіемъ начинается исторія *интеллигенціи*. Распорядитель производства долженъ былъ обладать значительной суммой различныхъ знаній: онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ одновременно функціи и военачальника, и судьи, и жреца, и инженера, и медика, и поэта... Постепенно совмѣстительство столь разнообразныхъ профессій становилось

[1]) Manu, IV, 99.

затруднительнымъ, обязанности начали распредѣлять между отдѣльными лицами. Совершается процессъ демократизаціи знанія, но процессъ этотъ далеко не заходитъ. Образуется іерархическая лѣстница организаторскихъ постовъ. Старѣйшина (патріархъ) поручаетъ нести часть лежащихъ на немъ обязанностей главамъ родственныхъ семействъ; тѣ, въ свою очередь, уполномачиваютъ своихъ родственниковъ и т. д. Наклонная плоскость, по которой званіе интеллигента катилось съ вершины соціальной пирамиды, не опускалась до рядовой массы. Завладѣвшіе средствами производства не выпускаютъ изъ своихъ рукъ организующей силы,—знанія,—которой они обязаны своимъ первоначальнымъ выступленіемъ.

Эта сила грозитъ ускользнуть отъ нихъ. Техническій прогрессъ, хотя и задерживаемый въ своемъ развитіи, создастъ новое знаніе, требуетъ большей дифференцировки интеллектуальнаго производства, болѣе широкихъ кадровъ интеллигентныхъ работниковъ, ставитъ передъ послѣднимъ усложненныя задачи. Организаторскіе верхи не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ, отвѣтить подобнымъ задачамъ: они какъ нами отмѣчалось выше, слишкомъ для этого консервативны, ихъ психика слишкомъ трудно не поддается ломкѣ. Имъ приходится защищать *старое* знаніе и вести упорную борьбу съ „новыми словами“ въ области интеллектуальнаго труда. Таковы предпосылки ихъ обскурантизма.

Но, обскуранты, они энергично отстаиваютъ свои права на знаніе и идею его всемогущества. „Знающій веды является властителемъ всей земли[1]). Дѣйствительно, въ продолженіе весьма продолжительнаго періода, обладать знаніемъ значитъ принадлежать къ господствующимъ группамъ, понятіе интеллектуальнаго труда покрывается понятіемъ соціально-политическаго примата, соціально-политической власти. И впослѣдствіи, когда произошло разграниченіе этихъ понятій, когда собственники средствъ производства признали соотвѣтствующей своимъ интересамъ переуступку нѣкоторой части правъ на знаніе выходцамъ изъ рядовой массы, когда на

[1]) Законы Ману, IX, 245.

исторической сценѣ появились интеллигенты, собственностью на „матеріальныя“ средства производства не располагающіе и отдающіе свой трудъ за плату,—призракъ былого величія всетаки продолжалъ витать долго передъ различными слоями интеллигенціи. То и дѣло воскрешалось ученіе о благородномъ умственномъ трудѣ, объ избранникахъ интеллигентахъ, аристократахъ духа, передъ авторитетомъ которыхъ должны преклоняться и трепетать представители низшихъ кастъ, люди физическаго труда, „тупой, безсмысленный, непросвѣщенный“, народъ,—ученіе переданное въ наслѣдство отъ первобытныхъ временъ. Мы сталкиваемся съ нимъ и въ античной древности, и въ средневѣковьѣ, и въ эпоху Ренессанса, и въ новой исторіи.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, назовемъ нѣсколько системъ, содержащихъ апоѳеозъ власти, утерянной интеллигенціей. Таково, напримѣръ, пиѳагорійское ученіе. Какъ извѣстно, знаменитая пиѳагорійская община должна была, по мысли своего создателя, осуществить идею самодержавія интеллигенціи. „Аристократы духа“ составляли союзъ, которому слѣпо должно было повиноваться все остальное населеніе греческихъ городовъ. Основаніемъ подчиненія являлось безусловное поклоненіе умственному авторитету. Утопистъ Платонъ на верху соціальной пирамиды своего идеальнаго государства поставилъ замкнутую касту начальниковъ (архонтовъ)—мудрецовъ. Въ своихъ видѣніяхъ идеальнаго царства Францискъ Бэконъ рисовалъ великолѣпный дворецъ—домъ Соломона, населенный всемогущими носителями интеллектуальной „силы“: этотъ дворецъ—центръ жизни всей фантастической общины. Монахъ Томазо Кампанелла, вдохновленный ясно выраженными демократическими симпатіями, не устоялъ противъ искушенія и въ свою очередь заплатилъ дань ученію объ автократіи интеллигенціи. Правда, часть организаторовъ-интеллигентовъ, въ его утопическомъ Солнечномъ государствѣ, выбирается народнымъ голосованіемъ, но истинные главы государства, верховный первосвященникъ Гогъ и три верховные организатора, носящіе имена Мудрости, Силы,

Любви, являются представителями невыбираемой и несмѣняемой власти. Изъ новѣйшихъ болѣе яркихъ апологетовъ власти духовной аристократіи упомянемъ Эрнеста Ренана, мечтавшаго о царствѣ мандариновъ, и Фридриха Ницше съ его идеаломъ великаго мудреца, царственнаго „бѣлокураго звѣря"—сверхчеловѣка, долженствующаго явиться въ итогѣ круговорота всемірной исторіи и воплотить въ своемъ лицѣ всю „мощь" человѣчества[1]).

[1]) Нѣсколько неудобно, наряду съ приведенными именами, называть имена нашихъ доморощенныхъ „мандариновъ" и „аристократовъ духа". Но мы все-таки назовемъ ихъ, ибо они, какъ никакъ, являются любопытными показателями извѣстныхъ общественныхъ вѣяній. Мы имѣемъ въ виду Н. Бердяева и П. Боборыкина. Оба они вопроса ребромъ не ставятъ, о реальной власти интеллигенціи не говорятъ, картинъ идеальнаго строя, при которомъ бы интеллигенты были поставлены въ исключительно-привилегированное положеніе, не рисуютъ. Тѣмъ не менѣе въ ихъ писаніяхъ отзвуки старинной теоріи звучатъ довольно сильно. „Борецъ" за новѣйшій идеализмъ, Н. Бердяевъ открыто проповѣдуетъ возвращеніе къ культу духовной аристократіи, слагаетъ дифирамбъ въ честь погибшей аристократической культуры, указываетъ современнымъ интеллигентамъ, какъ на недосягаемый образецъ, на „вершины" аристократизма былыхъ временъ. Въ качествѣ убѣжденнаго трибуна духовной аристократіи выступалъ два года тому назадъ въ Москвѣ, передъ рабочей аудиторіей П. Боборыкинъ. Его слишкомъ откровенная рѣчь звучала предостереженіемъ по адресу тѣхъ, кто поднимаетъ бунтъ противъ интеллигенціи. Послушайте, какъ онъ выражается. Онъ объясняетъ, что интеллигенція—высшій слой общества (какъ будто интеллигенція представляетъ изъ себя однородную массу и можетъ почитаться общественнымъ классомъ) каста избранниковъ. „Можно безъ преувеличенія сказать, что все, чего наша страна достигала въ своемъ поступательномъ движеніи, было защищаемо въ разныхъ сферахъ умственнаго труда русской интеллигенціей". Интеллигенція является избраннымъ меньшинствомъ, которое создало все, что есть самаго драгоцѣннаго для русской жизни". Ораторъ негодуетъ на новыя вѣянія, обнаружившіяся въ обществѣ, подрывающія *авторитетъ* избранниковъ: „явилась новая складка трактованія всего—и науки, и таланта, и общественнаго авторитета". Идетъ бунтъ „противъ того авторитета, какой въ каждой культурной странѣ долженъ принадлежать самому просвѣщенному, дѣятельному, нравственно-развитому и общественно подготовленному классу гражданъ". Всѣ современныя идеологическія системы разсматриваются г. Боборыкинымъ съ точки зрѣнія ихъ политической благонадежности по отношенію къ интеллигенціи. Высшая мѣра осужденія сводится имъ къ слѣдующимъ формуламъ: „такое то ученіе не можетъ быть враждебнымъ всякому умственному *авторитету*, а стало быть и всякой интеллигенціи"; или: такая-то доктрина „расшатала связь между руководящимъ слоемъ русскаго общества, который дѣйствуетъ въ наукѣ, литературѣ, публицистикѣ и искусствѣ, и тѣмъ большинствомъ, которое, какъ толпа, кидается на приманку новизны".

Такова живучесть традицій древней культуры автократовъ-организаторовъ.

(Курсивъ вездѣ нашъ. В. Ш.). Поблагодаримъ сторонника „умственнаго авторитета“ за его откровенность, но напомнимъ, что его рѣчь, какъ вообще исповѣдь всякихъ новѣйшихъ „избранниковъ духа“ звучитъ подобно загробному голосу изъ другого міра—изъ міра давно изчезнувшей жизни, изъ міра историческихъ мумій.

VII.

На извѣстной стадіи развитія—именно тогда, когда средства производства провели рѣзко разграничительную грань между приказывающими и исполняющими,—понятіе объ организующей волѣ перерождается въ понятіе о *духовномъ* началѣ[1]).

Вождь—организаторъ оказывается надѣленнымъ чудодѣйственною силою: онъ, по представленію первобытнаго общества, властенъ распоряжаться не только дѣйствіями членовъ

---

[1]) Тов. А. Богданову принадлежитъ неоспоримо крупная научная заслуга въ дѣлѣ генетическаго выясненія послѣдняго понятія. (Его статью „Авторитарное мышленіе"—помѣщена въ сборникѣ: „Изъ психологіи общества"—трактующую о данномъ вопросѣ, слѣдуетъ признать epochenmachend). Буржуазные ученые, пытавшіеся вскрыть реальную подпочву спиритуалистической догмы, не идутъ дальше предѣла, предуказаннаго имъ умѣренной и осторожной мудростью ихъ класса: въ своихъ аналитическихъ операціяхъ они останавливаются на такихъ факторахъ, какъ сновидѣнія (напр., Спенсеръ), или оргіастическомъ экстазѣ (Эрвинъ Родэ), или же—въ лучшемъ случаѣ—культѣ предковъ; и дальше ни шагу. Роль групповыхъ противорѣчій ими, естественно, не привлекается къ разсмотрѣнію. Представитель марксистскаго міросозерцанія подчеркнулъ именно указанный факторъ: онъ намѣтилъ рѣшеніе проблемы именно въ свѣтѣ противоположенія группъ организуемыхъ и организаторовъ. Ходъ его доказательствъ таковъ. Производственныя отношенія „авторитарнаго" общества обусловливаютъ „опредѣленный способъ представленія фактовъ, опредѣленный типъ ихъ соединенія въ психикѣ, такой, какой выражается въ непрерывной связи идеи акта организаторскаго съ идеей акта исполнительскаго". Подобная форма мышленія постепенно распространяется на всю область познанія, дѣлается всеобщей. Всюду „за внѣшней силой, которая... дѣйствуетъ на него (первобытнаго дикаря), онъ предполагаетъ личную волю, которая ее направляетъ... Такъ возникаютъ „души вещей". Нарождается первобытный анимизмъ. Равнымъ образомъ, въ человѣческое тѣло „интроецируется" (вкладывается) невидимое движущее начало: „въ силу монистической тенденціи, въ силу стремленія представить все въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ, происходитъ мысленное разложеніе человѣка на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступенъ внѣшнимъ чувствамъ—это физіологическій организмъ, тѣло; организаторъ имъ недоступенъ; онъ предполагается внутри тѣла; это—духовная „личность" („Авторитарное мышленіе", стр. 115).

подвѣдомственнаго ему рода или клана, но и окружающей природой. За каждымъ явленіемъ природы стоитъ личность организатора, незримо дирижирующая. Вѣтеръ, вода, огонь—все это „theria empsyca"—одушевленныя существа. Таковыми признаетъ ихъ вѣрованія первобытной общины, таковыми признаетъ ихъ миѳологія народовъ, вступившихъ на путь дальнѣйшаго культурнаго развитія, таковыми признаетъ ихъ зарождающееся философское мышленіе[1]). „Все полно боговъ (духовъ)". Даже такимъ веществамъ, какъ напримѣръ, магниту, еще на памяти исторіи натурфилософіи, приписывалась наличность организаторской воли, „души"[2]): столь послѣдовательно проводился взглядъ, согласно которому всякое дѣйствіе, всякое движеніе совершается по плану, по приказанію, по слову „распорядителей".

То же самое и относительно человѣческаго тѣла: и оно отнюдь не изъято изъ подчиненія общему закону. *Тѣ части и органы тѣла, которые считаются источниками рабочей энергіи*, направляемой на производство общественно полезныхъ продуктовъ, объявляются скрывающими въ себѣ нематеріальныя субстанціи. Тѣло оказывается населеннымъ цѣлымъ рядомъ духовъ: существуютъ „души" рукъ, головы, ногъ, и т. д. До понятія объ общемъ духовномъ центрѣ человѣческаго тѣла, на первыхъ порахъ, мышленіе не доходило[3]).

Равнымъ образомъ и во внѣшней природѣ сознаніе видѣло арену воздѣйствія множества отдѣльныхъ нематеріальныхъ субстанцій. Такъ напримѣръ, каждая рѣка имѣетъ своего спеціальнаго духа, каждое дерево своего; одинъ богъ олицетворяетъ собою движущую силу сѣвернаго вѣтра, другой—южнаго, третій—восточнаго; одна порода животныхъ представлена однимъ богомъ, другая—другимъ.

[1]) Такъ въ ученіяхъ первыхъ греческихъ философовъ мы сталкиваемся съ подобнымъ вѣрованіемъ. Выдвигаемые этими философами „первоосновы" всего сущаго, въ родѣ воздуха или огня—не что иное, какъ *нѣсколько* очищенныя отъ грубаго анимизма представленія

[2]) Утвержденіе Ѳалеса (См. Aristotelis de anima I, 2.)

[3]) Вѣрованіе во множественность душъ—обитательницъ человѣческаго тѣла отличалось большой живучестью: остатки этого вѣрованія мы находимъ, напр., въ психологическихъ воззрѣніяхъ, циркулировавшихъ въ средніе вѣка.

Подобный фактъ объясняется сравнительно слабой степенью организованности общественнаго производства. Каждый рядовой членъ первобытной общины выполняетъ попеременно различные трудовые процессы. Несовершенство его орудій ведетъ къ тому, что каждая малѣйшая разновидность добываемыхъ имъ продуктовъ требуетъ отъ него различнаго примѣненія его рабочей силы, спеціальныхъ пріемовъ и спеціальной ловкости: одно дѣло для него сборъ плодовъ одного дерева, другое дѣло—сборъ плодовъ другого дерева; одно дѣло охота за однимъ животнымъ, другое дѣло охота за другимъ животнымъ. Соотвѣтственно этому, его сознаніе располагаетъ крайне скуднымъ запасомъ общихъ („родовыхъ“) понятій. Выполняемые имъ трудовые процессы выступаютъ въ его сознаніи какъ разрозненные, независимые другъ отъ друга акты. Жизнь для него рядъ отдѣльныхъ моментовъ, природа рядъ отдѣльныхъ феноменовъ.

Итакъ, *организаторская воля реализуется въ хаотической массѣ разнородныхъ явленій*, имѣющихъ мѣсто въ жизни организуемаго общества и эксплоатируемой природы: вотъ основная формула первобытнаго „пелидемонизма“. Отмѣченныя особенности „полидемонизма“ (вѣры въ существованіе „многихъ демоновъ-духовъ“) даютъ ключъ къ пониманію той „путаницы понятій“, которая такъ часто приводила въ отчаяніе исторіографовъ первобытной культуры и признавалась ими неподдающейся строгому научному учету—той „путаницы понятій“, при которой „люди, звѣри, растенія, камни, звѣзды—всѣ считаются стоящими на одномъ уронѣ, всѣ кажутся въ одинаковой мѣрѣ индивидуальными и одушевленными“[1]).

На самомъ дѣлѣ, эта „путаница“ говоритъ о своеобразной *систематизаціи* пріобрѣтеннаго жизненнаго опыта; на самомъ дѣлѣ, первобытный дикарь такимъ путемъ, какъ-никакъ, старался внести нѣкоторое *единство* въ картину міра, какая ри-

---

[1]) Э. Лангъ. „Миѳологія“. Переводъ подъ редакціей Н. Н. и В. Н. Харузиныхъ, стр. 96. Э. Лангъ принадлежитъ къ числу означенныхъ исторіографовъ: онъ ограничивается простымъ констатированіемъ „путаницы“.

совалась его сознанію. Представители всѣхъ царствъ природы оказывались тѣснымъ образомъ связанными другъ съ другомъ, поставленными, такъ сказать, на одну дорогу. Связывающій, уравнивающій элементъ—воля организатора. Пусть міръ матеріальныхъ явленій хаотиченъ, пусть, параллельно ему, существуетъ многообразіе индивидуальныхъ духовныхъ субстанцій: но всѣ эти субстанціи однородны, всѣ онѣ, въ конечномъ счетѣ, не что иное, какъ проявленіе одного, порядка. Если понятіе организующей воли, въ извѣстной степени абстрагировалось, если понятіе духа такого-то дерева, такой-то рѣки, такого-то животнаго уже не совпадаетъ съ понятіемъ о личности *даннаго* организатора, мыслится, какъ нѣчто ему *не* имманентное,—это обстоятельство отнюдь не говоритъ, что генетическая связь между означеннымъ духомъ и означеннымъ организаторомъ, въ сознаніи первобытныхъ дикарей, потеряна. Организаторъ является *единственнымъ* посредникомъ между духомъ и людьми, можетъ оказывать то или иное воздѣйствіе на духа, напримѣръ, заговорить его, запретить ему совершать тѣ или иные акты, или, напротивъ, побудить его къ извѣстнымъ актамъ: онъ, по представленію дикарей, властвуетъ надъ духами и состоитъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ. Послѣ своей смерти онъ, обычно, превращается въ какого-нибудь духа. А при жизни онъ творитъ великія чудеса.

„Въ Австраліи, въ Новой Каледоніи, въ Новой Зеландіи, въ Сѣверной Америкѣ, у зулусовъ, у эскимосовъ и, вообще, во всѣхъ странахъ свѣта имъ (т. е. вождямъ и шаманамъ-колдунамъ)[1] приписывается власть вызывать духовъ или спускаться въ ихъ мѣстопребываніе. Люди, пользующіеся этимъ преимуществомъ, могутъ также сами обращаться и превращать другихъ въ животныхъ. Они даже повелѣваютъ атмосферическими явленіями. На нихъ смотрятъ, говоритъ старый французскій миссіонеръ, „какъ на настоящихъ Юпите-

[1] Шаманы—колдуны, въ свою очередь, являются представителями организаторской группы.

ровъ, держащихъ громъ и молнію въ своихъ рукахъ". Отъ нихъ зависитъ хорошая или дурная погода, они надзираютъ за громадными животными, которые у древнихъ персовъ и арійцевъ Индіи такъ-же, какъ у зулусовъ и ирокезовъ, посылаютъ или задерживаютъ дождь и производятъ громъ, двигая огромными своими крыльями въ облачномъ пространствѣ"[1]. „Вождь племени можетъ превратиться во льва, убить такимъ образомъ, кого хочетъ и вновь принять свой обычный видъ"[2].

Все „матеріальное", все „тѣлесное" играетъ роль орудія въ рукахъ организатора. Одухотворяя все своей волей—непосредственно воплощая (интроецируя) ее въ тѣ или другіе объекты, тѣ или другія тѣла или же пользуясь опосредствованными формами „интроекціи", абстрактными понятіями, оставленными ему въ наслѣдство отъ предыдущихъ поколѣній организаторовъ,—нашъ организаторъ разрушаетъ, въ представленіи первобытнаго общества, качественныя различія между разнородными феноменами „матеріальнаго" міра. Черезъ понятіе о всюду могущей проявляться организаторской волѣ первобытный дикарь приходитъ къ убѣжденію, что тѣла и предметы могутъ мѣнять свой внѣшній видъ, переходить изъ одного состоянія въ другое, подвергаться метаморфозамъ. Человѣкъ можетъ преображаться и въ животное, и въ растеніе, и даже въ камень,—и наоборотъ. Отсюда ведутъ свое начало всевозможные миѳы, легенды, сказки о превращеніяхъ.

На той же почвѣ возникаетъ ученіе о такъ называемомъ переселеніи душъ, метампсихозисѣ. Но это ученіе въ своей окончательной формѣ—формѣ, въ которой оно сложилось у египетскихъ жрецовъ, у орфиковъ, пиѳагорейцевъ и Плато-

---

[1]) Э. Лангъ, op. cit, стр. 94. Необходимо отмѣтить, что у народовъ, стоящихъ на самомъ низкомъ уровнѣ культуры, отсутствуетъ ясное различіе между организаторами, ведущими сношеніе съ духами, и самими духами: это доказывается примѣромъ австралійцевъ (op. cit. стр. 99).

[2]) Ibidem, 92 (цитата изъ записи, сдѣланной Ливингстономъ близъ Лоанды).

на—есть продуктъ дальнѣйшей фазы соціально-экономическаго развитія. Послѣдователи этого ученія оперируютъ съ понятіемъ о духовной субстанціи, уже достигшемъ сравнительно высокой степени отвлеченія.

Абстрагированіе названнаго понятія совершилось, какъ извѣстно, слѣдующимъ путемъ: „прогрессъ состоитъ въ подчиненіи духа каждаго дерева—богу лѣса, различныхъ рѣчныхъ духовъ—богу рѣкъ и т. д. На болѣе высокой ступени умъ полагаетъ одного бога для воды, другого для огня, третьяго для земли и т. д.“[1]) Равнымъ образомъ—дополнимъ цитату—постепенно объединяются духи отдѣльныхъ частей тѣла, постепенно подчиняются одному духу, духу всего тѣла.

Не трудно установить, чѣмъ опредѣляется охарактеризованный процессъ. Въ основѣ примитивнаго анимизма лежала слабая организованность производства первобытнаго общества, а эта слабая организованность, въ свою очередь, обусловливалась малымъ совершенствомъ техники, точнѣе малымъ совершенствомъ средствъ прпзводства. Но техника прогрессируетъ. Усовершенствованіе орудій постепенно дѣлаетъ ненужнымъ расходъ рабочей энергіи на массу спеціальныхъ операцій, нивеллируетъ процессы труда, считавшіеся до того еремени *различными* (напр., сборъ плодовъ *различныхъ* деревьевъ или охоту за *различными* животными). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, представлявшійся сознанію первобытнаго дикаря, хаосъ „матеріальнаго“ міра нѣсколько упорядочивается, достигается большая систематизація явленій, устанавливается связь между элементами, которые казались несоизмѣримыми. Уменьшается число индивидуальныхъ понятій, возрастаетъ число „родовыхъ“.

Открываются новыя области производства; одна форма техники смѣняетъ другую, одно орудіе производства торжествуетъ побѣду надъ другимъ. Общественное производство услож-

[1]) Т. Рибо. „Эволюція общихъ идей“, переводъ П. П. Спиридонова, стр. 138 (примѣчаніе).

няется и дифференцируется. Ближайшее слѣдствіе этого усложненія и дифференцированія,—какъ мы отмѣчали неоднократно,—усиленіе позиціи организаторовъ. А какъ слѣдствіе этого слѣдствія—переработка идеологическихъ концепцій, на которыя опираются „господа“ исторической сцены,—и въ томъ числѣ концепціи объ организаторской волѣ.

Разстояніе между организующими и организуемыми увеличивается въ возрастающей прогрессіи: въ соотвѣтствіи съ этимъ противоположеніе „духовнаго“ и „тѣлеснаго“ начала подчеркиваться все рѣзче и рѣзче. Если раньше духъ и тѣло признавалось совершенно разнородными субстанціями, то все-же, какъ никакъ, они стояли сравнительно недалеко другъ отъ друга: согласно вѣрованіямъ примитивнаго „полидемонизма“, духи входили въ непосредственную, повсемѣстную, повседневную связь съ міромъ „матеріи“, ихъ проявленія были, такъ сказать, „будничными“ актами. Далѣе, они оказывались не чуждыми нѣкоторыхъ „земныхъ“ мотивовъ: имъ свойственны разныя страсти и корыстолюбивыя возжделѣнія: они, какъ извѣстно, не стѣснялись вступать по тѣмъ или инымъ поводамъ въ состязаніе и борьбу со слабыми смертными, рельефно оттѣняя этимъ невысокій уровень своего превосходства надъ послѣдними. Самое понятіе о духѣ характеризовалось довольно неопредѣленными признаками: духъ не что иное, какъ какая-то „тѣнь“, какъ какое-то „отображеніе“ (выражаясь терминомъ греческой миѳологіи — eidolon) человѣка. Теперь „пафосъ разстоянія“ устраняетъ компрометирующую духа близость къ „земному праху“.

Организаторы-собственники, въ представленіи реформированнаго общества, стоятъ отнынѣ внѣ всякой зависимости отъ организуемой массы. Ихъ воля абсолютно автономна. Въ переводѣ на спиритуалистическій языкъ, она имѣетъ сверхземное происхожденіе; духовныя субстанціи могутъ быть лишь невольными, временными гостьями, плѣнницами и узницами матеріальнаго міра. Существуетъ гдѣ-то далеко за гранью этого міра особое царство—о которомъ примитивный полидемонизмъ не имѣлъ сколько-нибудь яснаго представленія—

царство духовъ, царство „бытія“, царство ноуменовъ, вещей въ себѣ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ (матеріальный міръ—это міръ переходящихъ явленій, феноменовъ, міръ „становленія“).—Когда-же приходится духу съ небесной высоты „падать“ на землю и облекаться въ одѣяніе плоти, онъ все-таки продолжаетъ „довлѣть себѣ“. Его связь съ тѣломъ чисто внѣшняя, искусственная: въ проявленіяхъ воли и мышленія онъ вполнѣ независимъ отъ тѣла.

Власть духовъ надъ матеріей безгранична. Матерія мертва безъ нихъ; они—первопричина всего всего, происходящаго въ мірѣ феноменовъ. Но только они не дѣйствуютъ уже такъ примитивно, непосредственно, какъ дѣйствовали духи эпохи полидемонизма. Объектомъ реализаціи организаторской воли служитъ уже не прежній хаосъ матеріальныхъ явленій. Организаторы-собственники сконцентрировали, подъ эгидой своей собственности, административную власть надъ общественнымъ производствомъ, вступившемъ въ періодъ болѣе высокаго развитія—бо́льшей соразмѣрности и согласованности трудовыхъ процессовъ. Организаторской волѣ приходится проявляться уже не въ безконечной массѣ отдѣльныхъ „индивидуализированныхъ“ актовъ. Теперь у ней значительно меньше точекъ ближайшаго соприкосновенія съ матеріальнымъ міромъ. Организаторамъ-собственникамъ принадлежитъ верховное руководительство въ сферахъ производительной дѣятельности общества. Ихъ воля, „духъ“ даетъ лишь *толчекъ* „матеріи“. Существуютъ нѣкоторые общіе законы, которые имманенты міру явленій. Правда, въ свое время эти законы были установлены актомъ потусторонней воли, но затѣмъ они сохраняютъ свою силу навсегда и не требуютъ для своего проявленія каждый разъ особаго вмѣшательства со стороны „потусторонняхъ“ субстанцій.

Старая формула полидемонизма оказывается уже непригодной: она не отвѣчаетъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя намѣтились въ соціально-экономической средѣ. Происходитъ то, что буржуазные мыслители называютъ вскрытіемъ *внутреннихъ логическихъ* противорѣчій. Ставится знаменитый въ исто-

ріи философіи вопросъ объ отношеніи бытія и становленія: какъ возможно, чтобы изъ неизмѣнной нематеріальной субстанціи происходило многообразіе конечныхъ вещей, преходящихъ явленій матеріальнаго міра? Старое мышленіе, суммировавшее соціально-экономическій опытъ первобытныхъ дикарей, признавало *непосредственную* тѣсную причинную связь и взаимодѣйствіе между означенной субстанціей и означенными явленіями. Въ этомъ признаніи и стали усматривать теперь „противорѣчіе“. Міръ феноменовъ не можетъ быть *непосредственно* выведенъ изъ міра ноуменовъ: это величины абсолютно несоизмѣримыя.

Идеологамъ командующихъ группъ приходится теперь ломать голову надъ теоріей *промежуточныхъ*, связующихъ звеньевъ.

VIII.

Вотъ одна изъ попытокъ рѣшенія поставленнаго на очередь вопроса.

По ученію греческаго философа Эмпедокла, духи—„демоны" (daimonia), которые „падаютъ" изъ царства боговъ въ матеріальный міръ и которыхъ всѣ элементы матеріальнаго міра „ненавидятъ", оживляютъ матерію при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы воспріять въ себя духовное начало, послѣдняя должна быть извѣстнымъ образомъ уже организована: должна уже обладать способностью ощущенія, воспріятія и мышленія [1]). Только высоко развитыя, разумныя существа получаютъ привилегію стоять близко къ „потустороннимъ" силамъ, считаться мѣстопребываніемъ организаторской воли; только черезъ нихъ названная воля реализуетъ себя въ царствѣ преходящихъ явленій.

Философія Эмпедокла—плодъ общественной эволюціи, шагнувшей сравнительно далеко впередъ по пути дифференціаціи отдѣльныхъ группъ, но пути обострепія ихъ взаимоотношеній. Она сложилась, какъ отзвукъ извѣстнаго момента борьбы античной аристократіи съ *античной* демократіей. Симпатіи Эмпедокла на сторонѣ послѣдней: именно, какъ идеологъ реалистически настроенной демократіи, онъ, въ своей философской системѣ, съ особенной силой подчеркивалъ роль матеріальнаго начала (его ученіе объ „элементахъ") и приписывалъ тѣлу часть функцій, которая аристократическая традиція относила къ „душѣ" (его утвержденіе: мышленіе есть не что иное, какъ „кровь сердца"). Нѣсколько ниже мы остановимся на выясненіи различія „аристократической„ и „демократической" точекъ зрѣнія на духъ и тѣло, матерію и источники движущей ее энергіи. Здѣсь же мы ограничимся простымъ указаніемъ на наличность извѣстной классовой „подпочвы".

[1]) См. Ervin Rohde. Psyche. Seelencult und Unsterbligheitsglaube der Griechen, II, стр. 83.

Система агригентскаго мыслителя выбрана нами, какъ примѣръ, вводящій, такъ сказать in medias res, позволяющій рельефно оттѣнить сущность вопроса, о „промежуточныхъ звеньяхъ“. Выставляя необходимымъ условіемъ реализаціи организаторской воли извѣстную степень предварительной организованности матеріи, Эмпедоклъ тѣмъ самымъ констатируетъ существованіе двухъ разныхъ организаторскихъ центровъ. *Промежуточныя звенья—это не что иное, какъ особыя организаторскія ячейки, находящіяся, относительно главныхъ организаторскихъ центровъ, главныхъ ячеекъ, въ положеніи извѣстной зависимости.*

До сихъ поръ мы разсматривали организаторскую группу, взятую въ цѣломъ, разсматривали ее, какъ нѣкоторую однородную массу,—т. е. имѣли въ виду исключительно общіе интересы, отмѣчающіе людей извѣстнаго типа, роднящіе ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противополагающіе ихъ другимъ соціально-экономическимъ аггрегатамъ. Теперь мы должны обратить вниманіе на особенности внутренняго строенія названной группы. Въ раннія эпохи первобытной культуры—съ которыми преимущественно намъ приходилось имѣть дѣло, организаторская группа представляла изъ себя соціальное тѣло со слабыми признаками врутренняго разслоенія. Если и намѣчалась нѣкоторая іерархія организаторскихъ функцій, если главы отдѣльныхъ родовъ присвоили себѣ нѣкоторыя привилегіи, все же разстояніе между „верхами“ и „низами“ группы было слишкомъ незначительно. Даже тогда, когда отдѣльная община разросталась въ цѣлое племя, начальникъ послѣдняго не обладалъ никакими чрезвычайными правами, сравнительно съ прочими старѣйшинами. Послѣдовательно картина мѣняется. Какъ всякій общественный классъ, какъ всякая группа, группа организаторовъ выдѣляетъ, внутри себя, рядъ ячеекъ и подъячеекъ, осуществляющихъ общегрупповыя тенденціи не одинаковыми путями и не въ одинаковой степени. Прежде всѣми коммерческими, индустріальными, земледѣльческими операціями общины завѣдывали одни и тѣ-же лица. Процессъ развитія производства, на который

мы указывали въ предыдущей главѣ, усиливая позицію организаторовъ, разграничивая все болѣе и болѣе организаторовъ и организуемыхъ, въ тоже время обусловливалъ собою дифференціацію функцій господствующей группы. Въ рамкахъ послѣдней, между „верхами“ и „низами“ наростаетъ постепенно удлиняющаяся лѣстница нисходящихъ ступеней.

Между организуемой массой и главными организаторами, вѣдающими общее руководительство соціально-экономической жизнью даннаго клана или племени, стоятъ, въ іерархическомъ порядкѣ, тѣ, кто распоряжается отдѣльными областями производственной дѣятельности и кто стоитъ во главѣ хозяйственныхъ ячеекъ, фиксировавшихся вокругъ опредѣленныхъ видовъ собственности на средства производства (во главѣ родовъ и семей).

Это обстоятельство, будучи преломлено сквозь призму сознанія идеологовъ командующихъ группъ, служитъ фундаментомъ для рѣшенія вопроса о „звеньяхъ“. Естественно, рѣшенія предлагаются разныя, смотря по тому, къ какой „ячейкѣ“ принадлежитъ тотъ или другой идеологъ. Чѣмъ „ниже“ ячейка, чѣмъ ближе она къ „матеріальному“ міру— къ организуемой массѣ, тѣмъ большая роль самодѣятельности признается за „матеріей“, тѣмъ менѣе автократичнымъ обрисовывается духовное начало. Наоборотъ, идеологъ ячейки, занимающей одну изъ высшихъ ступеней іерархической лѣстницы, въ своемъ высокомѣрномъ отношеніи къ презрѣнной матеріи и даже къ организаторскимъ „низамъ“, обязательно построитъ свою систему на апоѳеозѣ верховныхъ потусторонніхъ субстанцій, которыя, черезъ посредство послушныхъ имъ духовъ, полновластно распоряжаются міромъ феноменовъ, какъ ареной для осуществленія своихъ предопредѣленій.

Агригентскій мыслитель жилъ въ эпоху, когда дифференціація организаторскихъ рядовъ имѣла за собой уже долгую исторію. Въ греческихъ городахъ данной эпохи командующій классъ не только разслоился на небольшія клѣтки и подклѣтки: болѣе того,—другъ другу противостояли, какъ

разныя соціальныя тѣла, вдохновляемыя противоположными идеалами, двѣ группы собственниковъ средствъ производства: аристократія и демократія, организаторы-землевладѣльцы и организаторы-промышленники и торговцы. Эмпедоклъ, слѣдуя традиціи рода, изъ котораго происходилъ, держался, повторяемъ, демократическихъ взглядовъ. Демократія, являлась сравнительно юнымъ отпрыскомъ командующаго класса, она сформировалась изъ слоевъ, стоявшихъ въ зависимости отъ аристократіи, принимавшихъ болѣе непосредственное участіе въ производствѣ „матеріальныхъ благъ", чѣмъ высокородные представители землевладѣльческой культуры. Отсюда симпатіи идеологовъ-демократовъ къ матеріализму. Именно, какъ демократъ, Эмпедоклъ признавалъ за матеріей многое такое, въ чемъ ей упорно отказывала предшествовавшая и современная ему аристократическая метафизика.

Говоря о способности матеріи организоваться, онъ имѣлъ въ виду не что иное, какъ организаторскій центръ демократіи. Правда центръ этотъ является подчиненнымъ другому высшему центру: послѣдовательнымъ матеріалистомъ Эмпедокла назвать отнюдь нельзя. Его идеологія—не прямолинейна-демократична; онъ, въ сильной степени, находится подъ вліяніемъ идеологическихъ формъ, установленныхъ организаторами стараго типа. Но уже и то новое, что заключалось въ его философской системѣ, было значительнымъ шагомъ впередъ.

Было бы весьма интересно и поучительно прослѣдить на примѣрѣ греческой философіи—эта философія даетъ какъ разъ богатый матеріалъ для подобнаго соціологическаго изслѣдованія—исторію постепеннаго развитія и борьбы „аристократическаго" и „демократическаго" представленій о духѣ и тѣлѣ, о бытіи и становленіи. Но этого въ предѣлахъ настоящей статьи мы сдѣлать не можемъ. Ограничимся уже приведеннымъ примѣромъ и еще однимъ, не менѣе ярко иллюстрирующимъ нашу мысль, взятымъ изъ цикла идеологическихъ построеній другого лагеря.

Проникнутый аристократическими симпатіями авторъ „Филеба“ и „Федона“ своимъ ученіемъ объ „идеяхъ“ доводитъ апоѳеозъ нематеріальнаго начала до высшей точки, какая была извѣстна античному міру и въ вѣка первобытной культуры. Идея—абсолютная первопричина земнаго міра. Если среди явленій послѣдняго мы подмѣчаемъ нѣкоторую связь, которую спѣшимъ назвать причинностью, то все же мы не должны заблуждаться относительно истиннаго характера этой причинности: настоящихъ причинъ, по убѣжденію Платона, въ мірѣ преходящихъ явленій нѣтъ и не можетъ быть: то, что мы здѣсь считаемъ причинами, не болѣе, какъ сопричины (synaitia),содѣйствующія, соподчиненныя причины. Верховное начало всѣхъ вещей и „начало всѣхъ началъ“—идея блага (міровой разумъ). Она—*цѣль*, которой, въ конечномъ счетѣ, все подчиняется. Она управляетъ самымъ царствомъ идей. Это—царство строго проведенной *іерархіи*. Такимъ образомъ, высшій символъ организаторской воли, высшее божество—„идея блага“ преподаетъ свои директивы міру черезъ длиннѣйшій рядъ промежуточныхъ звеньевъ.

Низшимъ элементомъ міра, организуемымъ матеріаломъ является „не-сущее“. Философъ-аристократъ опредѣляетъ его исключительно, какъ отрицательную величину, какъ крайнюю антитезу „бытію“, какъ нѣчто, лишенное всякой формы. Первое организаторское звено—внѣ этого „не-сущаго“: „не-сущее“ организуется воздѣйствіемъ математическихъ формулъ. (Послѣднимъ приписывается та роль, какую мы отмѣчали въ свое время,[1])—роль божественныхъ, обладающихъ творческой силой субстанцій). А математическими формулами дирижируетъ сама идея. Въ организованный такимъ образомъ міръ явленій попадаютъ *души*. Онѣ—не тождественныя идеямъ, но производныя отъ послѣднихъ субстанціи. Ихъ предназначеніе—находиться въ потустороннемъ царствѣ и созерцать первоисточникъ всего сущаго и всего пребывающаго. Но будучи заключены въ тѣлесную оболочку, онѣ

[1]) См. примѣчаніе на стр. 33.

подвергаются вліяніямъ эмпирическаго міра: освобожденныя изъ своей темницы, онѣ оказываются не въ состояніи подняться до эмпиреевъ своей родины, вновь падаютъ на землю, вновь начинаютъ земное странствованіе и т. д. Возможность подобныхъ злоключеній души объясняется изъ ея организаціи. Для Платона понятіе о душѣ—не простое понятіе. Его душа состоитъ изъ трехъ частей: управляющей (разумной)—hegemonicon, активно-чувствующей (thymoeides) и похотливо-чувственной. Части эти борются между собою, стараясь увлечь душу каждая на свой путь. „Разумная“ часть находится въ непосредственномъ общеніи съ міромъ идей. Побѣда ея знаменуетъ восхожденіе къ эмпиреямъ, свободу отъ необходимости пребывать въ царствѣ явленій. Другія части приковываютъ уроженку неба къ землѣ.

Три части души *соотвѣтствуютъ тремъ классамъ, на которые, по воззрѣніямъ Платона, распадается общество:* разумная—*соотвѣтствуетъ классу мудрецовъ,*—активно-чувствующая—классу воиновъ, похотливо-чувственная—классу представителей физическаго труда (земледѣльцевъ и ремесленниковъ). *Въ своемъ ученіи о душѣ авторъ „Филеба“ и „Федона“ суммировалъ свои соціальные взгляды* [1]).

На вершинѣ трехъярусной пирамиды его „идеальнаго“ государства стоитъ немногочисленная кучка философовъ-архонтовъ: это чистый типъ организаторовъ, существующихъ на тѣ продукты прибавочнаго труда, которые вырабатываются обитателями нижняго яруса, составляющими главную массу населенія пирамиды.—Вся жизнь и дѣятельность государства, во всѣхъ деталяхъ регулируется философами. Имъ однимъ

---

[1]) Въ освѣщеніи идеалистически настроенной буржуазной критики, ходъ мышленія Платона шелъ обратнымъ порядкомъ: „Трихотомія души“ Платону, якобы, подсказала идею необходимости трехъяруснаго расчлененія общества: „устроить эту задачу (устроить надлежащее государство) можно только посредствомъ подчиненія всѣхъ житейскихъ отношеній принципамъ нравственнаго назначенія человѣка. *Поэтому* (sic!—курсивъ нашъ В. Ш) истинное государство, какъ и душа отдѣльнаго человѣка, распадается на три разобщенныя части: ремесленники, воины, учащіе“ и т. д. Виндельбандъ „Исторія древней философіи“, пер. подъ редакц. проф. А. И. Введенскаго, стр. 176.

доступна „истина“, они одни могутъ проникать своимъ умственнымъ взоромъ за грань преходящихъ явленій, могутъ быть свободны отъ всякихъ земныхъ вѣяній. Это значитъ, что верхній ярусъ пирамиды и нижній ярусъ ея безконечно удалены другъ отъ друга, что организаторы-философы и организуемые чернорабочіе—существа сотворенныя изъ совершенно разныхъ субстанцій. Если философы — носители высшихъ нематеріальныхъ началъ, то обитатели нижняго яруса, занимающіеся трудомъ, не достойнымъ, съ аристократической точки зрѣнія, свободнаго человѣка,—воплощенная чувственность. Ихъ внутренній міръ—безпомощная жертва похотей и вождѣленій: для проявленія какихъ-нибудь активныхъ духовныхъ силъ онъ закрытъ („активность“ не свойственна организуемымъ). Единственная добродѣтель, которая имъ доступна, по мнѣнію Платона, и которая требуется отъ нихъ, это—воздержаніе, т. е. способность держать себя въ границахъ, предуказанныхъ „организаторской волей“, подчиненіе послѣдней.

Свою волю философы-архонты осуществляютъ въ мірѣ „чувственности“ непосредственно. Для этой цѣли имѣются воины, населяющіе средній ярусъ пирамиды. Это тоже организаторскій центръ: представителямъ его присуща извѣстная степень активности; но ихъ „воля“, выражаясь языкомъ платоновской метафизики, не можетъ считаться настоящей причиной явленій, наблюдаемыхъ въ средѣ организуемой массы: это воля представителей подчиненнаго центра. Стоя за предѣлами „организуемой массы“, воины все-таки связаны съ ней, довольно близки къ ней. „Чувственность“ не чужда имъ, но только это чувственность высшаго порядка. Она характеризуется такими актами, какъ подвиги мужества.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ Платонъ построилъ свою психологическую систему. Онъ надѣлилъ душу одновременно тѣми качествами, какія, въ его глазахъ, отличали психику разныхъ общественныхъ типовъ.

Понятіе объ „организующей“ субстанціи, объ организующей волѣ, такимъ образомъ, расчленилось. Душа сдѣлалась

ареной столкновенія противоположныхъ силъ. Мало того, въ противорѣчіи съ основной предпосылкой платоновскаго—и вообще аристократическаго—міросозерцанія, приводившаго все и вся къ одному знаменателю, признававшаго единый первоисточникъ сущаго и пребывающаго и упорно отказывавшагося усмотрѣть въ организуемой матеріи малѣйшіе проблески волевой дѣятельности, способности организоваться,—въ противорѣчіи съ этимъ однимъ изъ элементовъ организаторской субстанціи—души объявлялось „вождѣленіе", отличительное качество представителей общественныхъ низовъ. Организуемые получили право на участіе въ организаторской работѣ. Презрѣнная „матерія" вторглась въ заповѣдную позицію „духа".

Въ дѣйствительной жизни Платонъ не находилъ того распредѣленія общественныхъ силъ, какое считалъ идеаломъ. *Его* организаторы-автократы не были облечены государственной властью. На исторической сценѣ съ успѣхомъ подвизалась греческая демократія, захватывавшая въ свои руки верховныя организаторскія функціи. Ея торжество, въ глазахъ аристократически настроеннаго мыслителя, знаменовало собою торжество низменныхъ, чувственныхъ, матеріальныхъ началъ: она причислялась авторомъ „Государства" къ обитателямъ нижняго яруса пирамиды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя было закрывать глаза на ея организаторскую роль. И Платонъ принялъ ее въ разсчетъ, когда создавалъ свою концепцію объ организаторской волѣ.

Его концепція о душѣ, другими словами, „отражала" далеко не тѣ соціальныя отношенія, какія должны были возникнуть въ проектированномъ имъ идеальномъ государствѣ: строгая централизація распорядительскихъ фукнцій, положенная въ основаніе означеннаго государства, исключаетъ возможность представленія о „душѣ", являющейся ареной внутреннихъ междоусобій и слишкомъ часто подпадающей подъ власть низменныхъ инстинктовъ. Въ идеальномъ платоновскомъ государствѣ торжество низовъ надъ верхами не-

мыслимо. Общественнымъ отношеніямъ, установленнымъ въ Атлантидѣ, соотвѣтствовалъ бы идеалъ недѣлимой, недоступной никакимъ комбинаціямъ, непогрѣшимой духовной субстанціи. На самомъ же дѣлѣ, разрабатывая свое ученіе о душѣ, Платонъ соображался съ тѣмъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, какое ему пришлось наблюдать въ реальной жизни. Рельефно подчеркивая свои соціальныя симпатіи, окружая ореоломъ недосягаемаго величія своихъ фаворитовъносителей идеальной организаторской воли, онъ, въ тоже время, вопреки своимъ симпатіямъ, принужденъ былъ отмѣтить значеніе и успѣхи выходцевъ „чувственнаго міра“.

IX.

Итакъ,—резюмируемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе двухъ послѣднихъ главъ—понятіе о „духовномъ началѣ“ сложилось на фонѣ отношеній между организаторами и организуемыми. Оно есть не что иное, какъ понятіе объ организаторской власти, организаторской „волѣ“. Въ связи съ измѣненіями, имѣющими мѣсто въ жизни организаторскихъ центровъ, оно, въ свою очередь, подвергается измѣненіямъ.

Установленная точка зрѣнія объясняетъ ту громадную цѣнность, какую командующіе классы придаютъ созданному ими абстрактному понятію, объясняетъ то изумительное упорство, съ какимъ они отстаиваютъ это понятіе противъ всякихъ агрессивныхъ шаговъ критики. Командующими классами, въ данномъ случаѣ, руководятъ интересы самосохраненія. Критически относиться къ доктринамъ спиритуализма значитъ критически относиться къ главенствующимъ организаторскимъ центрамъ. Разъ возникаетъ критика, это свидѣтельствуетъ о томъ, что главенствующій организаторскій центръ начинаетъ терять почву подъ ногами, что ему приходится имѣть дѣло съ серьезнымъ оппонентомъ—съ извѣстной общественной группой, преслѣдующей діаметрально-противоположные матерьяльные интересы, успѣвшей въ сильной мѣрѣ окрѣпнуть, рѣшившейся открыть военныя операціи.

Духовную субстанцію нельзя считать чѣмъ-то безусловно самодовлѣющимъ; напротивъ, она есть нѣчто зависящее отъ чувственныхъ, матеріальныхъ элементовъ: „свобода воли—миѳъ“, такъ формируетъ, на первыхъ порахъ, означенный оппонентъ свое революціонное настроеніе. Занятая имъ позиція отнюдь не говоритъ о радикальномъ рѣшеніи вопроса. Кампанія только что началась, до рѣшительнаго наступленія еще далеко. Идеологія наступающей общественной группы еще опре-

дѣляется въ извѣстной степени, разными переживаніями стараго соціально-экономическаго строя. И все же приведенная выше формулировка выражаетъ весьма непріятное для существующаго организаторскаго центра требованіе. Она гласитъ: существующіе организаторы не могутъ дѣйствовать автократически, они зависятъ отъ организуемыхъ, т. е. должны подчиняться послѣднимъ.

Припомнимъ ожесточенные философскіе споры о роли духовной субстанціи и о свободѣ воли, какіе велись, напр., на закатѣ средневѣковаго феодализма. Понятно, почему системы, развивавшія охарактеризованные выше „умѣренно-конституціонные“ взгляды, объявлялись ересью, а ихъ авторы—идеологи нарождающейся буржуазіи—измѣнниками отечества.

Наступающая группа развивается. Эволюція техники все болѣе и болѣе углубляетъ пропасть, лежащую между нею и господствующимъ организаторскимъ центромъ, все болѣе и болѣе дѣлаетъ непримиримыми ихъ классовые интересы, все болѣе и болѣе проясняетъ классовое сознаніе представителей новой общественной силы. Соотвѣтственно этому, идеологи послѣдней повышаютъ тонъ своей критики, все рѣзче и рѣзче подчеркиваютъ значеніе матеріальнаго начала, все меньшую и меньшую долю вліянія признаютъ за духовной субстанціей, послѣдовательно доходя до ея полнаго отрицанія. Моментъ наибольшаго напряженія боевой энергіи новой общественной силы, моментъ рѣшительнаго наступленія—есть моментъ созданія матеріалистическихъ системъ. Съ проповѣдью матеріализма выступали, напр., идеологи греческой демократіи V—IV вѣка до Р. Х., съ проповѣдью матеріализма выступали также идеологи англійской буржуазіи XVII в. и французской буржуазіи XVIII в. и французской буржуазіи XVIII в.

Наконецъ, побѣда одержана. Наступавшая группа водружаетъ свое знамя на занятыхъ ею непріятельскихъ позиціяхъ. И тутъ... происходитъ нѣчто на первый взглядъ весьма странное и удивительное. Вмѣсто полнаго торжества матеріалистическаго міровоззрѣнія, торжества, котораго слѣдовало ожидать, судя по дореволюціоннымъ заявленіямъ иде-

ологовъ новаго класса, наступаетъ эпоха „линянія“ матеріализма. Намѣчается поворотъ назадъ. Сначала робко, затѣмъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе высказываются симпатіи къ старой идеологіи, къ идеологіи побѣжденнаго противника. „Храмъ оставленный, все храмъ, кумиръ повергнутый — все богъ!“ Воскресаетъ абстрактное мышленіе, метафизика, спиритуализмъ. Такъ, европейская буржуазія давно похоронила свой радикальный матеріализмъ, подъ знакомъ котораго она вела борьбу съ переживаніями феодальнаго режима, и теперь, въ дни своего господства, она стоитъ подъ знакомъ идеалистической реакціи.

Тайну поворота назадъ вскрыть нетрудно. Въ рамкахъ существовавшихъ до сихъ поръ и существующихъ обществъ побѣда одной группы надъ другой сводилась и сводится къ смѣнамъ разныхъ типовъ эксплуатаціи. На другой день послѣ революціи, побѣждающая группа оказывается въ положеніи диктаторски-властнаго организаторскаго центра. Всѣ остальные слои общества, съ указаннаго момента, противостоятъ ей, какъ организуемые. Ходъ дальнѣйшаго экономическаго развитія шагъ за шагомъ усугубляетъ значеніе новой соціальной антитезы. Если до своей побѣды новые господа исторической сцены опирались на общественные „низы“, если въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго осуществленія своихъ плановъ, они старались, насколько возможно, затушевывать разницу ихъ собственныхъ интересовъ и интересовъ ихъ союзниковъ, старались совершенно приравнять себя, въ теоріи, къ „организуемой массѣ“—*прямолинейность* матеріалистическихъ системъ, выдвигаемыхъ ими въ боевые моменты, объясняется именно послѣднимъ обстоятельствомъ,—то теперь маска сброшена, бывшіе союзники переведены въ разрядъ „презрѣнныхъ рабовъ“, отдалены отъ новыхъ господъ „пафосомъ“ неизмѣримаго, постоянно увеличивающагося разстоянія.

Появляются новая „сверхчувственная субстанція“ и новая „матерія“. Конечно, эти новыя понятія не вполнѣ тожественны прежнимъ: они сложились въ атмосферѣ иныхъ условій производственной дѣятельности. Напр., въ царствѣ

капиталистической индустріи, опредѣляющей расцвѣтъ естественно-историческаго познанія, нѣтъ мѣста наивнымъ вѣрованіямъ первобытнаго анимизма, нѣтъ мѣста необузданному полету фантазіи, свойственной средневѣковому спиритуализму. Представленія объ организующей волѣ раціонализировались. Мы имѣемъ дѣло съ виталистическими воззрѣніями, со всевозможными ученіями объ апріорномъ познаніи, съ понятіемъ *о силѣ*,—источникѣ движенія „мертвой“ матеріи.

X.

Прежде чѣмъ разстаться съ читателемъ, мы остановимся еще на анализѣ одного вопроса, тѣсно связаннаго съ основной темой нашей статьи. Это вопросъ объ „интеллигенціи“.

„To gnothi sauton“, „самопознаніе“ является для представителей интеллектуальнаго производства весьма трудной задачей. Въ ихъ рядахъ относительно соціальнаго удѣльнаго вѣса „новаго средняго сословія“ царитъ такое пестрое разнообразіе оцѣнокъ, какого далеко не намѣчается при опредѣленіи удѣльнаго вѣса другихъ общественныхъ ячеекъ. Что такое интеллигенція? Слѣдуетъ ли считать ее особымъ, самодовлѣющимъ соціальнымъ тѣломъ — „классомъ“?— На этотъ кардинальный вопросъ предлагаются всевозможные, исключающіе другъ друга отвѣты.

Наиболѣе примитивный отвѣтъ гласитъ: да, существованіе означеннаго класса не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; а представителями его являются всѣ, кто прошелъ ту или иную школьную выучку, кто обладаетъ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ. Подобная точка зрѣнія грѣшитъ тѣмъ, что не допускаетъ принципіальнаго разграниченія различныхъ соціальныхъ типовъ. Какой-нибудь фабрикантъ, получившій дипломъ, какой-нибудь крупный хозяинъ-землевладѣлецъ, окончившій высшее учебное заведеніе ставятся, при подобной точкѣ зрѣнія, на одну доску съ техникомъ или агрономомъ, служащими у нихъ, съ учителемъ, дающимъ въ ихъ домѣ уроки. Всѣ они умѣщаются, какъ совершенно однородные

элементы, одушевленные одними и тѣми же тенденціями и интересами, въ рамкахъ фиктивно созданной группы.

Другая, противоположная точка зрѣнія, нынѣ весьма распространенная, опирается, аналогичнымъ образомъ, на признакъ не-„классоваго“ порядка. Выдвигается расплывчатое понятіе о самодовлѣющей „интеллигентности“. Интеллигентъ—тотъ, кто одаренъ въ извѣстной степени „сознательностью“. Выхваченныя изъ рядовъ всевозможныхъ классовъ, подобныя лица составляютъ цѣльную, однородную соціальную единицу. „Интеллигенція—это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знаніями, руководимая общественными импульсами часть общества, которая въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, въ своемъ міропониманіи и своемъ общественномъ поведеніи отправляется не отъ узкихъ, личныхъ, групповыхъ профессіональныхъ или классовыхъ интересовъ, а отъ интересовъ страны вообще, народа вообще. Кардинальный признакъ въ понятіи интеллигентности лежитъ въ ея общественномъ характерѣ, не въ одной суммѣ знанія, а въ суммѣ сознанія, не въ какихъ-либо формальныхъ, классовыхъ сюртучныхъ и другихъ внѣшнихъ признакахъ, а въ ея духовной сущности... Тотъ врачъ, для котораго медицина ремесло, который является слесаремъ отъ медицины, не понимаетъ привходящаго въ него элемента общественной миссіи, не интеллигенція. И тотъ адвокатъ, для котораго чужды интересы, выходящіе изъ рамки его адвокатскаго дѣла и для котораго истина есть результатъ судоговоренія—не интеллигенція...“ [1]).

Итакъ, на лицо двѣ различныя теоріи, пытающіяся дать своеобразную оцѣнку соціальныхъ явленій. Если по отношенію къ другимъ общественнымъ категоріямъ принятъ экономическій анализъ, обыкновенно дается опредѣленіе на основаніи экономическаго признака, по отношенію къ интеллигенціи теоретики послѣдней измѣняютъ своему обыкновенію. Въ переводѣ на языкъ соціальныхъ отношеній, подобнаго

[1]) Елпатьевскій „Изъ разговоровъ объ интеллигенціи“. („Русское Богатство“, 1904 г.)

рода опредѣленія говорятъ вотъ о чемъ: теоретики интеллигенціи, сознательно или безсознательно для себя, затушевываютъ рознь соціальныхъ интересовъ, однимъ почеркомъ пера уничтожаютъ глубокія пропасти, раздѣляющія соціальныя группы. Они поступаютъ вполнѣ аналогично тѣмъ представителямъ буржуазнаго міра, которые любятъ выставлять свои интересы тожественными съ интересами пролетарскихъ массъ: почтенные буржуа выбираютъ произвольный признакъ, на основаніи его дѣлаютъ сравненіе и, въ результатѣ, получаютъ формулу: „*народъ*—это мы и рабочіе". Умозаключенія вышеозначенныхъ теоретиковъ интеллигенціи имѣютъ однородную цѣнность: произвольно выбранный признакъ (напр. извѣстная степень „сознательности") даетъ возможность для представителей разныхъ слоевъ интеллигенціи отождествлять себя съ наиболѣе прогрессивными группами, выдавать свои собственные интересы и тенденціи за интересы и тенденціи послѣднихъ.

Примѣненіе экономическаго критерія разрушаетъ легенду о „самодовлѣющей" интеллигенціи, о *классѣ* работниковъ интеллектуальнаго производства. Но и тутъ, при попыткахъ освѣтить вопросъ съ надлежащей точки зрѣнія, мы зачастую наталкиваемся на недостаточно критическое отношеніе къ соціальнымъ феноменамъ. Подъ именемъ экономическаго основанія пользуются зачастую не однимъ, а нѣсколькими основаніями. Такъ, характеризуя интеллигенцію, какъ либеральную буржуазію, поперемѣнно выдвигаютъ то фактическую принадлежность къ буржуазнымъ слоямъ (обладаніе средствами производства), то принадлежность къ буржуазіи лишь по происхожденію, то, наконецъ, принадлежность къ буржуазіи опредѣляется изъ наличности средствъ потребленія, какими можетъ располагать та или другая интеллигентная ячейка. Пользоваться подобнымъ методомъ доказательства значитъ ухищряться сидѣть одновременно на нѣсколькихъ стульяхъ. Требуется болѣе основательная позиція. Псевдонаучному эклектизму должно быть противопоставлено объясненіе строго монистическаго характера. Экономическія отно-

шенія производства (а не потребленія или распредѣленія)— вотъ что, согласно марксистскому міросозерцанію, можетъ единственно служить исходнымъ пунктомъ при разграниченіи соціальныхъ клѣточекъ и тѣлъ.

Чтобы выяснить соціальную физіономію интеллигенціи, необходимо, слѣдовательно, отвѣтить на вопросъ: какое положеніе интеллигенты занимаютъ въ процессѣ производства? Являются ли они продавцами рабочей силы или, напротивъ, собственниками средствъ производства? Разберемся въ данной проблемѣ.

Область интеллектуальнаго труда—это область *организаторскихъ* функцій общественнаго производства. На протяженіи нашей статьи мы все время имѣли дѣло не съ кѣмъ инымъ, какъ съ „интеллигентами", все время излагали исторію „возвышенія" первобытной интеллигенціи. Эти первобытные интеллигенты отмѣнно зарекомендовали себя съ эксплоататорской стороны, провели между собою и организуемой массой рѣзкую демаркаціонную линію, выставили себя, какъ существа какой-то высшей породы. Идеологическимъ откликомъ подобной соціальной антитезы былъ догматъ о несоизмѣримости умственнаго и физическаго труда. Согласно этому догмату, область умственнаго труда объявляли изъятой изъ подчиненія законамъ, управляющимъ областью „матеріальнаго" производства. Съ орудіями анализа, позволяющаго овладѣвать знаніемъ міра „явленій", нельзя подступать къ „святая святыхъ" организаторовъ! До сихъ поръ подобная точка зрѣнія пользуются большими правами гражданства: съ ней оперируетъ современная политическая экономія. Большинство экономистовъ не считаетъ нужнымъ даже вводить сферу интеллектуальнаго производства въ кругъ своихъ изслѣдованій.

Между тѣмъ, старая идеологія давнымъ давно перестала отвѣчать реальному соотношенію общественныхъ силъ. Еще въ рамкахъ первобытной общины намѣтился процессъ разслоенія интеллигенціи. Съ ростомъ общиннаго хозяйства усложнились обязанности организаторовъ. Явилась потреб-

ность въ спеціализаціи. Выдѣлились организаторы главные и подчиненные. Въ началѣ тѣ и другіе одинаково принадлежали къ группѣ собственниковъ средствъ „*матеріальнаго*“ труда. Дальнѣйшій этапъ развитія: понятіе объ интеллигентѣ перестаетъ всецѣло покрываться понятіемъ о названныхъ собственникахъ. Наряду съ интеллигентами, стоящими на вершинѣ общественной пирамиды, образуются кадры такъ называемой профессіональной интеллигенціи.

Интересы ячеекъ, на которыя разслоилась организаторская группа, естественно, нельзя считать тождественными. Верхи „интеллигенціи“ противостоятъ „низамъ“ ея, какъ эксплуатирующіе эксплуатируемымъ. Послѣдніе, въ процессѣ исторической эволюціи, послѣдовательно проходили путь, аналогичный тому, по которому шло развитіе матеріальнаго труда. Другими словами, соотвѣтственно извѣстнымъ моментамъ экономической жизни общества, профессіональный интеллигентъ выступалъ сначала мелкимъ производителемъ, работающимъ на заказъ, затѣмъ постепенно втягивался въ круговоротъ капиталистическихъ отношеній, постепенно превращался въ такъ назыв. „интеллигентнаго пролетарія“, попавшаго въ зависимость отъ капиталистическихъ предпріятій... Здѣсь необходимо оговориться. Процессъ капитализаціи охватываетъ далеко неравномѣрно всю область интеллектуальнаго производства. Какъ и въ сферѣ промышленности обрабатывающей и добывающей, не всѣ отдѣльныя профессіи подлежатъ одному и тому же темпу прогрессирующаго развитія. Марксистское ученіе вовсе не доказываетъ равномѣрности развитія, обязательной для всѣхъ рѣшительно вѣтвей производственной дѣятельности. Оно устанавливаетъ лишь общую тенденцію развитія. Съ этой общей тенденціей мы и имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Эта тенденція ярко намѣтилась. Фактъ капитализиціи интеллектуальнаго производства удостовѣряется примѣрами, заимствованными изъ жизни самыхъ разнообразныхъ интеллигентныхъ ячеекъ. Представители искусства, „чистой“ науки, прикладныхъ знаній, всевозможные работники пера и конторскихъ счетовъ и проч. все въ большей

и большей мѣрѣ дѣлаются жертвами „рынка“ и крупнаго капитала, начинаютъ квалифицировать свое положеніе, какъ положеніе „пролетарское“.

Но, дѣйствительно ли, допущенная нами аналогія является полной, дѣйствительно ли, въ лицѣ профессіональныхъ интеллигентовъ мы имѣемъ представителей настоящаго пролетаріата, продавцовъ рабочей силы, ничѣмъ кромѣ этой силы не располагающихъ, существующихъ единственно ея продажей и создающихъ прибавочную стоимость эксплоатирующимъ ихъ капиталистамъ? Какъ обстоитъ дѣло съ собственностью на средства интеллектуальнаго производства?

При ближайшемъ разсмотрѣніи, мы должны отказать въ пролетарскомъ званіи широкимъ слоямъ интеллектуальныхъ производителей. Возьмемъ, напр., профессіональнаго ученаго или художника, продающаго свои произведенія издателю, организовавшему предпріятіе на капиталистическихъ началахъ. Одинъ фактъ продажи этихъ произведеній еще не свидѣтельствуетъ о принадлежности ихъ авторовъ къ пролетаріату. Владѣльцы мелкихъ мастерскихъ сбываютъ свои продукты крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, эксплуатируются послѣдними: значитъ ли это, что они пролетаріи? У профессіональныхъ ученыхъ или художниковъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, мы констатируемъ наличность орудій производства: ученый имѣетъ книги, зачастую цѣлую библіотеку; художникъ—матерьялы, зачастую цѣлую мастерскую. То же слѣдуетъ сказать о представителяхъ прикладныхъ знаній, объ адвокатахъ, докторахъ, инженерахъ, техникахъ, педагогахъ и т. д., состоящихъ на службѣ у капитала.*) Передъ ними мелкая буржуазія и ея переходныя группы, представленные мелкими производителями такъ называемой домашней промышленности.

Пойдемъ далѣе. Возьмемъ иной типъ производителя. „У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ производства, „мы

*) Мы не говоримъ здѣсь о такихъ формахъ интеллектуальнаго хозяйства, которыя являются чисто ремесленными (хозяйства, напр., докторовъ, юристовъ, учителей, работающихъ „на заказъ“).

чистѣйшей воды пролетаріи!“ любятъ заявлять о себѣ, напр., „жрецы музъ“, беллетристы и поэты. По ихъ словамъ, ихъ рабочая сила,—„талантъ“, „вдохновеніе“—является безусловно самодовлѣющимъ элементомъ творчества. Работать можно безъ средствъ производства!—волшебная способность, которой не надѣлены даже сами знаменитые герои „Тысячи и одной ночи“. Тѣ, какъ извѣстно, для совершенія своихъ чудесныхъ дѣяній, пользовались всетаки кое-какими „орудіями“—волшебными лампочками и кольцами, коврами-самолетами и проч. Новоявленные чудодѣи и маги оказываются болѣе искусными спеціалистами по части сверхестественныхъ подвиговъ; они считаютъ себя освобожденными отъ необходимости подчиняться одному изъ основныхъ законовъ трудовой дѣятельности человѣческаго общества...

Мы имѣемъ характерную редакцію мнѣ о несоизмѣримости физическаго и интеллектуальнаго труда, объ исключительныхъ условіяхъ, въ которыя послѣдній поставленъ и которыя опредѣляютъ его реализацію. На самомъ дѣлѣ, стоитъ внимательнѣе проанализировать понятіе той рабочей силы, на которую ссылаются наши чудодѣи и маги, и мы убѣдимся, что ихъ велерѣчивымъ заявленіямъ грошъ цѣна, что эти заявленія основываются на произвольной подстановкѣ понятій, на стремленіи смѣшивать различные элементы трудовыхъ процессовъ.

Интеллектуальный производитель, чтобъ реализовать свою рабочую силу, долженъ предварительно получить извѣстное образованіе, накопить извѣстный запасъ необходимыхъ знаній. *Можно ли отождествлять эти знанія съ рабочей силой? Ни въ какомъ случаѣ нельзя.*

Эти знанія не что иное, какъ *средства* интеллектуальнаго производства. Ошибочно думать, будто роль послѣднихъ играютъ исключительно книги, пособія, разные инструменты *) и другіе осязательные, „матеріальные“ предметы. Извѣстная сумма свѣдѣній содержится въ извѣстной книгѣ; та же сумма свѣдѣній содержится въ памяти какого-нибудь интелли-

*) Напр., инструменты, употребляемые медиками или техниками.

гента. Въ первомъ случаѣ, никому не придетъ въ голову назвать эту сумму свѣдѣній рабочей силой. Во второмъ случаѣ, этой суммѣ свѣдѣній приписывается антропоморфическое бытіе: ихъ считаютъ обладающими творческой способностью, относятъ на счетъ „активнаго начала“ личности интеллигента. Подобный взглядъ имѣетъ за собой большую историческую давность. Онъ сложился еще въ первобытную эпоху, тогда, когда община распалась на два лагеря, когда „организаторы“ сконцентрировали въ своихъ рукахъ средства производства, когда образовалось понятіе объ „организаторской волѣ,“—„духѣ“ и объ инертной организуемой-матеріи. Тогда по отношенію къ орудіямъ производства была допущена своеобразная „интроекція“ *). За орудіями производства стоитъ личность собственника-организатора, ими нельзя пользоваться, не имѣя дѣла съ организаторомъ; они и организаторъ являются чѣмъ-то нераздѣльнымъ; мышленіе первобытнаго дикаря надѣляетъ ихъ активной силой, какая составляетъ достояніе организатора: они могутъ „творить“, могутъ производить продукты. Въ числѣ прочихъ орудій производства, „одухотвореннымъ“ оказалось и знаніе **). А затѣмъ, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, съ дальнѣйшей выработкой представленія объ организаторской волѣ, знаніе было признано однимъ изъ основныхъ творческихъ элементовъ „внутренняго міра“ организатора. Позиція собственниковъ знанія оказалась весьма и весьма удобной: тайна ихъ господства была скрыта отнынѣ отъ взоровъ тѣхъ, кому не слѣдовало ее вѣдать, надежной завѣсой авторитарныхъ воззрѣній. Организаторы могли отнынѣ нѣсколько затушевывать даль разстоянія, раздѣляющаго ихъ отъ организуемой массы,—выдавая знаніе за рабочую силу, могли заявлять о „демократизмѣ“ своего положенія. „Блаженъ, кто вѣруетъ!“.

И организуемые вѣрили, вѣрили долго и слѣпо. Виною

*) См. стр. 23.

**) О магическомъ могуществѣ знанія свидѣтельствуютъ безчисленные миѳы первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ.

тому была медленность, въ которою развивалось ихъ классовое сознаніе (въ свою очередь, обусловленная медленностью развитія экономическихъ противорѣчій въ нѣдрахъ общества). Не имѣя собственнаго выработаннаго міровоззрѣнія, они (организуемые) держались многаго того, что диктовалось имъ свыше, усваивали существенные догматы „господской" идеологіи. Догмату о тождествѣ знанія и рабочей энергіи особенно посчастливилось въ данномъ отношеніи. До послѣдняго времени онъ сохранялъ обаяніе въ мірѣ организуемыхъ группъ; передовые бойцы послѣднихъ учили, что высококвалифицированный, интеллектуальный трудъ есть лишь умноженный простой трудъ. Но современный капитализмъ, начавшій съ лихорадочной быстротой размежевывать общественные пласты, вскрывать наличность классовыхъ противорѣчій тамъ, гдѣ раньше усматривали полнѣйшую гармонію, однородность интересовъ, выставилъ позицію собственниковъ знанія въ иномъ свѣтѣ, обнаружилъ, что различія между представителями означенныхъ типовъ трудовой дѣятельности далеко не сводятся къ различіямъ чисто количественнымъ.*)

*) Обращаемъ вниманіе читателей на книгу Hanns Deutsch'a „Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus. Wertheorie und Entwicklungstendenzen, Wien, 1904. Deutsch дѣлаетъ интересную попытку, стоя на почвѣ марксистской ортодоксіи, точнѣе,—марксистской теоріи цѣнности» детально разсмотрѣть вопросъ о „квалификаціи" труда. Не вдаваясь въ изложеніе и разборъ его взглядовъ, мы отмѣтимъ лишь слѣдующее: образованіе (Unterricht) онъ опредѣляетъ, какъ особую экономическую категорію (Productionsmittel), отказываетъ ему въ роли созидателя прибавочной цѣнности. „Прибавочная цѣнность одна и та же, ведется ли производство при помощи простой или же при помощи квалифицированной рабочей силы" (стр. 72). Для того, чтобы извлечь изъ квалифицированой рабочей силы ту же прибавочную цѣнность, какая получилась бы, если бы это была простая сила, капиталистъ долженъ пускать въ оборотъ добавочную часть капитала, которая, правда, переходитъ на цѣнность товара, но прибавочной цѣнности не создаетъ" (стр. 73). Именно опроверженіе ходячаго мнѣнія о характерѣ производственной роли образованія и составляетъ главную заслугу Deutsch'a. Другая сторона вопроса—вопросъ о роли представителей квалифицированнаго труда, какъ *собственниковъ* средствъ производства, авторомъ цитируемой книги не анализируется;

Если раньше, при слабо развитыхъ формахъ классовой борьбы, профессіональный интеллигентъ, попавшій „на выучку къ капитализму“, почиталъ себя форменнымъ пролетаріемъ, воображалъ, что изъ его *знаній* капиталистъ извлекаетъ прибавочную цѣнность, то теперь, когда классовая борьба достигла высокаго напряженія, когда она все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ рѣшительнаго поединка между пролетаріатомъ и буржуазіей, когда различнымъ общественнымъ клѣточкамъ и подклѣточкамъ приходится съ большою точностью опредѣлять свою роль въ данномъ поединкѣ,—профессіональный интеллигентъ долженъ признать неосновательность своего утвержденія. Пусть хозяева исторической сцены концентрируютъ въ своихъ рукахъ сокровища средствъ интеллектуальнаго производства (въ родѣ лабораторій, библіотекъ и проч.), пусть исключена возможность сколько-нибудь успѣшно вести интеллектуальное производство на чисто ремесленныхъ началахъ, т. е. располагая крошечнымъ запасомъ пособій, книгъ и инструментовъ,—всетаки вполнѣ экспропріированныхъ, лишенныхъ рѣшительно всякихъ средствъ производства интеллектуальныхъ работниковъ не существуетъ. Конечно, интеллигентъ интеллигенту „не чета“: какой-нибудь конторщикъ и какой-нибудь многоученый профессоръ отдѣлены другъ отъ друга „дистанціей огромнаго размѣра“, но это дистанція количества, а не качества, дистанція минимума и максимума извѣстныхъ средствъ производства—„знаній“, „образованія“. Означенный минимумъ и означенный максимумъ свидѣтельствуютъ о разныхъ степеняхъ приближенія къ пролетарскимъ слоямъ; имъ отвѣчаетъ различная окраска идеологіи—преобладаніе то буржуазныхъ, то пролетарскихъ мотивовъ. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ на активѣ производителей одинаково числится нѣчто, неподходящее подъ рубрику рабочей силы, нѣ-

---

лишь попутно онъ высказываетъ отдѣльныя замѣчанія и соображенія по поводу „монополіи таланта“, намѣчаетъ *отчасти* аналогію между квалификаціей и машинами: стр. 51—52; но и только: общей постановки проблемы—объ индивидуалистическихъ тенденціяхъ интеллектуальнаго производства мы у него не находимъ.

что, не могущее служить источникомъ прибавочной цѣнности для капитала.

Только принявъ вышеизложенную точку зрѣнія, принципіально разграничивающую основные элементы, изъ которыхъ слагается собственность интеллектуальныхъ производителей, мы можемъ выяснить въ деталяхъ соціальный обликъ профессіональной интеллигенціи. Zwei Seelen wohnen, ach... in meiner Brust!*) должна сказать о себѣ названная интеллигенція, какъ таковая, взятая *въ цѣломъ*, со всѣми ея верхами и низами. Одновременно и продавцы рабочей силы и собственники средствъ производства, представители этой интеллигенціи являются носителями психики, сотканной изъ непримиримыхъ противорѣчій. Какъ продавцы рабочей силы, эксплуатируемые капиталистической буржуазіей, они проникнуты настроеніемъ протеста, подвергаютъ устои современной соціально-экономической жизни болѣе или менѣе рѣзкой критикѣ, заявляютъ о своей солидарности съ представителями „физическаго труда", выступающими на защиту своихъ интересовъ. Какъ собственники средствъ производства, они— *индивидуалисты*.

Капиталистическая эпоха есть эпоха усиленной „конкурренціи" техническихъ системъ и методовъ, конкурренціи орудій производства. Собственникъ фабричнаго предпріятія, желая извлечь изъ своихъ машинъ наибольшую выгоду, долженъ пускать ихъ въ оборотъ денно и нощно: машина стоитъ дорого, а не сегодня-завтра она потеряетъ свою цѣнность, будетъ вытѣснена изъ области производства новыми техническими изобрѣтеніями; итакъ, надо торопиться! Его успѣхъ, его побѣда надъ соперниками по производству зависитъ отъ степени совершенства усвоенной въ его предпріятіи техники. Онъ долженъ быть на стражѣ техническаго прогресса, безостановочно подновлять „постоянную часть" своего капитала, вводить у себя усовершенствованныя приспособленія, все новыя и новыя средства производства. Чѣмъ сложнѣе средства производства, чѣмъ большею цѣнностью они

*) „Двѣ души живутъ въ моей груди".

обладаютъ, тѣмъ больше заботъ они доставляютъ ихъ собственнику, тѣмъ большими потерями грозитъ ему какъ появленіе въ области производства новыхъ орудій, коренным образомъ обезцѣнивающихъ усвоенную имъ технику, такъ и всеобщее распространеніе послѣдней. Поэтому онъ старается монополизировать ее, ревниво охраняетъ ея секретъ отъ своихъ соперниковъ. Таковы основныя предпосылки „*анархіи*“ капиталистическаго производства: каждое капиталистическое предпріятіе неминуемо должно руководиться въ своей дѣятельности индивидуалистическими побужденіями.

Сказанное вѣрно и относительно средствъ интеллектуальнаго производства, а въ ихъ числѣ—относительно знанія. Собственникъ знаній долженъ стараться возможно полнѣе, съ возможной быстротой использовать ихъ: не сегодня-завтра они устарѣютъ, перестанутъ отвѣчать росту соціально-экономическихъ отношеній, потокъ научныхъ открытій смоетъ ихъ, на интеллектуальномъ рынкѣ явятся новыя усовершенствованія средствъ производства, новыя знанія. Собственникъ знаній долженъ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдить за движеніемъ науки, постоянно обновлять наличность своихъ „орудій“, пріобрѣтать все то, что составляетъ „послѣднее слово“ интеллектуальной техники. Собственникъ знаній долженъ наконецъ, имѣть профессіональные секреты отъ своихъ соперниковъ. Если онъ располагаетъ „орудіями“, какихъ нѣтъ у его соперниковъ, онъ побиваетъ послѣднихъ; знанія получившія всеобщее распространеніе, теряютъ цѣнность, какъ орудія производства, для того интеллектуальнаго производителя, который раньше одинъ владѣлъ ими. Въ непосредственныхъ интересахъ собственниковъ знанія—монополизировать ихъ, скрывать „источники“, своего производства*). И чѣмъ выше „квалификація“ производства, чѣмъ сложнѣе капиталъ интеллектуальной техники, чѣмъ большій рискъ несетъ его

*) Отсюда вытекаютъ, напр.. такія явленія, какъ научные, и литературные плагіаты. Ученые и литераторы, совершающіе ихъ, заимствуютъ идеи и сюжеты изъ малоизвѣстныхъ источниковъ и, пользуясь данными источниками, какъ орудіями производства, умалчиваютъ объ этомъ.

собственникъ въ виду возможности радикальныхъ перемѣнъ въ области его профессіи, тѣмъ означенные интересы даютъ сильнѣе себя чувствовать, тѣмъ больше приходится собственнику изощряться въ искусствѣ охраненія своей собственности, тѣмъ въ большей степени онъ бываетъ проникнутъ индивидуалистическими тенденціями. Самые крупные собственники интеллектуальныхъ средствъ производства,—представители наиболѣе высококвалифицированныхъ профессій самые рѣшительные проповѣдники индивидуализма. Степень консерватизма собственниковъ и степень ихъ пристрастія къ индивидуализму находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу... Таковы основныя предпосылки „анархіи“ интеллектуальнаго производства.

Индивидуализмъ, какъ оказывается, составляетъ непремѣнное достояніе профессіональной интеллигенціи. Даже представители тѣхъ слоевъ „организаторовъ“, которымъ особенно осязательно приходится испытывать на себѣ гнетъ капиталистической эксплуатаціи, которые особенно исполнены духа соціальнаго недовольства, при всемъ своемъ демократизмѣ, не свободны, въ той или иной мѣрѣ, отъ антидемократическихъ симпатій. Они протестуютъ противъ соціализма, во имя культа автономной личности, за гранью капиталистическаго міра думаютъ найти анархическую организацію производства. Или, напротивъ, заявляя себя сторонниками соціализма, они, на самомъ дѣлѣ, исповѣдуютъ соціализмъ весьма своеобразный: опять-таки они исходятъ изъ культа автономной личности; имъ улыбается идеалъ новаго строя *именно потому*, что этотъ строй, по ихъ мнѣнію, гарантируетъ полноту „индивидуальныхъ переживаній“, золотые дни личности, могущей проявить себя въ безконечно разнообразной, свободной игрѣ своихъ способностей и своего творчества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ компромиссными попытками сочетать несочетаемое: какъ анархисты, такъ и послѣдователи утопическаго соціализма одинаково считаютъ возможнымъ существованіе строя, основаннаго на *полной* экспропріаціи средствъ производства изъ

рукъ частныхъ собственниковъ, при оставленіи *части* этихъ средствъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ, одинаково считаютъ возможнымъ полное отсутствіе конкурренціи среди производителей, при сохраненіи свободы конкурренціи для части производителей. Геній профессіональной интеллигенціи недобрый геній и шутитъ съ нею недобрыя шутки!

Спѣшимъ оговориться: говоря о профессіональной интеллигенціи, мы, конечно, не имѣли въ виду тѣхъ интеллигентовъ, которые являются идеологами истинно-пролетарскихъ массъ. Мы разсматривали извѣстную категорію производителей, какъ таковыхъ, дѣлали характеристику интеллектуальныхъ работниковъ, съ точки зрѣнія ихъ участія въ процессѣ производства, брали то, что отличаетъ извѣстный общественный типъ. Указанные идеологи—не общее правило, а исключеніе, не дающее матерьяла для изслѣдованія поставленнаго нами на очередь вопроса. Вопросъ объ идеологахъ—это вопросъ иной, правда весьма интересный, но мы отнюдь не задавались цѣлью рѣшать его въ рамкахъ настоящей статьи. Что же касается нашего вопроса, то отвѣтъ на него нами уже данъ.

Повторимъ этотъ отвѣтъ: интеллигенцію считать особымъ общественнымъ *классомъ* нельзя, такъ какъ въ процессѣ производства различные слои ея занимаютъ различныя позиціи и, слѣдовательно, преслѣдуютъ различные матеріальные интересы; при томъ, ни одинъ изъ ея слоевъ не сливается съ пролетарской массой; крайніе лѣвые авангарды „организаторовъ“,—попавшихъ въ тиски капиталистической эксплуатаціи,—лишь подходятъ къ границѣ пролетарскаго лагеря; а въ общемъ интеллектуальные производители, обладая извѣстными средствами производства, принадлежатъ къ буржуазіи, распредѣляются по ея разнымъ ячейкамъ.

ОПЕЧАТКА:

На стр. 41 со словъ „Этого мало...“ начинается VI глава.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. (Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни). Издан. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Ѳ. П. Павловъ. За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни). Ц. 50 к.

А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Пріуралья). Ц. 80 к.

И. Поповъ. Самоуправленіе и земскія учрежденія. Ц. 10 к.

Дж. Руффини. Записки Лоренцо Бенони. (ром. изъ жизни Италіи). Перев. А. Серебряковой. М. 1903 г., стр. 378. Ц 1 р.

В. Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы. Ц. 80 к.

Танъ. Стихотворенія. Ц. 80 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Изд. 2-е. ц. 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. II. Ц. 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. III. Ц. 50 к.

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Профессіональное движеніе и право коалицій. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. П. Степанова. Ц. 1 р. 25 к.

Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. Ц. В. 2-е дополненное изд. съ портрет. автора. Спб. 1905 г. Ц. 40 к.

В. Шулятиковъ. Изъ теоріи и практики классовой борьбы.

Происхожденіе господствующихъ классовъ. Основы ихъ идеологіи. Вопросъ объ интеллигенціи.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 к.

Изданія научно-образовательной библіотеки.

Тонвиль. *Старый порядокъ и революція.* Переводъ А. Гуковскаго, подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.* 350 стр. 1903 г. 4-е изд. Ц. 50 к.

Вюльменъ. *Біологія растеній.* Перев. И. А. Петровскаго, подъ ред. проф. *К. А. Тимирязева.* 290 стр., 71 рис. 1897 г. Ц. 50 к.

Гринъ. *Краткая исторія англійскаго народа.* Перев. *Н. Н. Шамонина.* Вып. 1-й, 340 стр. 1897 г. Цѣна 50 к. Вып. 2-й, 392 стр. 1898 г. Цѣна 70 к. Вып. 3-й (послѣдній), 410 стр. 1900 г. Цѣна 80 к.

Гетчинсонъ *Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ.* Первый перев. М. В. Павловой. Съ пред. проф. *А. В. Павлова.* 568 стр. 48 табл., 133 рис. 1899 г. Цѣна 1 р. 25 к. Эта книга представляетъ полный переводъ двухъ книгъ автора: „Вымершія чудовища“ и „Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ“, при чемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ.

Тойнби. *Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII-мъ столѣтіи* Съ предисл. проф. *А. И. Чупрова* 347 стр. 1898 г. Цѣна 50 коп.

Неймайръ. (авторъ „Исторіи Земли“). *Корни животнаго царства.* Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Пер. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. *А. В. Павлова.* 232 стр., 28 рис. 1898 г. Цѣна 40 к.

Ранке. *Объ эпохахъ новой исторіи.* Перев. Н. И. Шитца. Съ предисл. проф. *П. Г. Виноградова.* 192 стр. 1898 г. Цѣна 35 коп.

Кейнсъ. *Предметъ и методъ политической экономіи.* Перев. А. Гуковскаго. Съ предисл. *А. А. Мануйлова,* 284 стр. 1899 г. Цѣна 50 коп.

Тьерри. *Исторія третьяго сословія.* Подъ ред. и съ предисл. проф. *Р. Ю. Виппера.* 306 стр. Цѣна 60 коп.

Романесъ. *Теорія Дарвина* Подъ ред. и съ предисл. *М. А. Мензбира.* 366 стр. 124 рис. Цѣна 70 коп.

Постъ. *Зачатки Государства. и правовыхъ отношеній.* Переводъ П. В. Тенлова съ предисловіемъ профессора *М. Ковалевскаго.* 274 стр. 1900 г. Цѣна 60 коп.

Бутми. *Развитіе государств. и общественнаго строя Англіи.* (Исторія Англійской конституціи). Переводъ съ новаго англійскаго изданія подъ ред. М. В. Покровскаго. 182 стр. М. 1904 г. Цѣна 40 коп.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Росно. *Химія.* Переводъ подъ ред. прив.-доц. Моск. унив. *С. Г. Крапивина.* Съ 31 рис. 122 стр. 1902 г. Цѣна 25 коп.

Генсли. *Введеніе въ науку.* Переводъ *Д. Кашкарова* подъ ред. приватъ-доцента моск. унив. *Н. К. Кольцова* 80 стр. 1902 г. Цѣна 20 коп.

Фостеръ. *Физіологія.* Перев. *Д. Кашкарова* подъ редакц. прив.-доц. *Н. К. Кольцова.* Съ 19 рис. 120 стр. 1903 г. Цѣна 30 к.

Гетте. *Зоологія* (Съ рисунками.) М. 1904 г. Цѣна 40 коп.

Слады изданія: въ Москвѣ 1) Въ кн. магазинѣ А. Чарушниковъ и К° Бол. Козихинскій пер., 15. 2) Тверская, въ кн. магаз. „Трудъ". 3) С.-Петербургѣ—книжн. магаз. „Обществ. польза". Большая Подъяческая, 39 соб. домъ; 4) книжн. магаз. Карбасникова. 5) Одесса, Дерибасовская ул., магазинъ Распопова.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.